

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

**СССР
2010**

Annotation

В этом мире Советский Союз не развалился в декабре 1991-го на 15 осколков и дожил до III тысячелетия. Москва, Киев и Ташкент по-прежнему в одной стране и под одним флагом. А еще СССР остался могучей технологической державой и по праву спорит за экономическое лидерство с США. Вот только не надо думать, что в этом мире нет у Союза никаких проблем, а сотрудники КГБ изнывают от безделья. Никак не окончится афганская война, беспокойно на Балканах, да и на собственной территории. Чего стоит чудовищный теракт, который устроил Осам Бен Ладен в Ленинграде! А значит, у капитана Александра Васнецова и его коллег работы, к сожалению, непочатый край...

ISBN 978-5-699-91561-3

© Афанасьев А., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Будь мужествен, и будем твердо стоять за народ наш и за города Бога нашего, и Господь пусть сделает, что ему угодно.

Цар. 3:18

*Невидимый фронт, мы – солдаты твои,
Невидимый фронт – ни секунды покоя,
Невидимый фронт – дни и ночи мои,
Невидимый фронт стал моею судьбою.
Невидимый фронт...*

Невидимый фронт

Александр Маршал

1990 год. Год развала СССР. Год, который изменил очень и очень многое...

Перестройка идет уже пятый год – но все более очевидно, что впереди даже не тупик.

Впереди – катастрофа.

Никакого плана перестройки нет – удивительно, но даже на пятый год ее проведения никто не знает, что это такое, чем это должно закончиться, какие цели поставлены и как их планируется достичь. Есть только речи Горбачева – генсек говорит много и ни о чем. Точнее, говорит-то он о правильных вещах – но вещи эти откровенно наивные, а самое главное – слова не переходят в решения и действия. Страна давно живет своей жизнью, и жизнь эта все хуже и хуже. Бюджет не исполняется. На полную мощность включен печатный станок. По всей Европе прокатывается череда так называемых бархатных революций – союзники один за другим уходят, рушится созданное после 1945 года стратегическое предполье, не позволяющее вновь свершиться трагедии сорок первого, предполье, за которое было уплачено жизнями двадцати шести миллионов. Последнее грозное предупреждение – события в Германии: Горбачев вместе с Хоннекером принимал ноябрьский парад, но уже через несколько дней восточные немцы начали громить Берлинскую стену. Людям не нужно было счастье в далеком будущем – людям был нужен

полный холодильник здесь и сейчас. А с этим было все больше проблем.

Из команды Горбачева уходит Рыжков – премьер-министр, во многом на совести которого разворачивающаяся в стране экономическая катастрофа. Именно он всего лишь несколькими, не до конца продуманными законами – «О предприятии», «О кооперативах» – полностью дезорганизовал советскую экономику, подрубил основные каналы наполнения бюджета. Стартовал мощный процесс легализации теневой экономики – если раньше подпольный кооператив работал на станках советского предприятия после выполнения плана, толкая тайно изготовленную продукцию налево, то теперь кооператив становился сбытовым и начинал реализовывать ВСЮ продукцию, произведенную заводом, втридорога. Это был уникально прибыльный бизнес – никаких налогов, никаких вложений в бизнес – все это за счет государства. Ты просто брал вещь по госцене, а продавал по той, по какой позволял рынок. Дефицит задирал цены вдвое, втрое от государственных. Миллионерами становились за несколько месяцев.

Продолжалось нарастание межнациональной напряженности на окраинах. Карабах, Приднестровье, Абхазия – с экранов эти ранее мало кому известные названия звучали все чаще. В трех прибалтийских республиках и вовсе народные фронты перехватили власть у законных органов власти этих республик. Местные советы, обкомы, республиканские обкомы бездействовали, не зная, как быть дальше, а из Москвы никаких внятных указаний не поступало. Горбачев метался между необходимостью принимать жесткие, возможно, кровавые меры и необходимостью сохранять репутацию демократического лидера, реформатора, которое давало ему ощутимые (нематериальные) дивиденды на Западе. Но кровь уже лилась сама по себе – оставшиеся верными Союзному правительству Рижский и Вильнюсский ОМОНЫ вступали во все более агрессивную конфронтацию с собственными министерствами, наипигованными сторонниками независимости.

Разворачивалось и противостояние между союзной и российской властью. РСФСР – впервые за все время нахождения в составе СССР – имела сильные и самостоятельные органы власти. Председателем Верховного Совета РСФСР был избран человек, для Горбачева совершенно неприемлемый – его личный враг, Борис Николаевич Ельцин. Парадоксально, но его избранию способствовал сам Горбачев: все соперники Ельцина, которые имели шанс занять кресло Председателя Верховного Совета РСФСР, были сторонниками «ортодоксальных коммунистов», группировку которых в Политбюро возглавлял Егор Лигачев. У сторонников же перестройки имелся лишь Борис Ельцин. Понимая, что Ельцин никогда не станет работать на него, Горбачев с ближайшими соратниками начал готовить план разделения России на несколько крупных союзных республик, чтобы ни одна из них не имела такого веса, чтобы на равных спорить с Центром. А.Н. Яковлев, советник Горбачева, предлагал еще более радикальное решение – не только разделить РСФСР с отделением Сибири, Урала и Дальнего Востока, но и повысить статус автономных республик до союзных, разделив Россию не на пять-семь, а на двадцать частей. Но этому уже резко воспротивились Украина, имеющая в своем составе Крым, и Узбекистан с его Каракалпакией....

Заговорили о созыве чрезвычайного съезда КПСС, на котором консервативная верхушка КПСС во главе с Лигачевым должна была расправиться с Горбачевым и избрать нового Генерального секретаря. После чего планировалось ввести на всей территории страны режим чрезвычайного положения...

Понимая всю свою уязвимость, Горбачев идет на один из немногих в своей жизни

решиительных шагов. Он объявляет вместе с референдумом о сохранении СССР первые в истории всенародные выборы президента СССР. И идет на них не от КПСС, а как народный депутат Верховного Совета СССР, то есть фактически как беспартийный кандидат.

И это становится его последней ошибкой. Во втором туре голосования выборы выигрывает Борис Николаевич Ельцин, становясь первым в истории всенародно избранным президентом СССР. Противостоящий ему Горбачев набирает во втором туре унизительные двадцать восемь процентов голосов.

С этого момента и начинается новейшая история Советского Союза.

Борис Ельцин, пришедший к власти на волне во многом необоснованных любви и доверия избирателя, фундаментально отличается от Горбачева. Если Горбачев интеллигентен, то Ельцин откровенно груб и даже хамоват. Если Горбачев уповает на коллективное решение, а часто вообще не принимает никаких решений, то Ельцин по натуре самодур с задатками царя. Все решения он принимает сам, делает это охотно, мгновенно, часто никого не слушая. Огромным плюсом Ельцина является его почти нечеловеческая интуиция, позволяющая ему принимать верные решения в условиях бардака и отсутствия информации. Среди своих ходит легенда о том, как самолет первого президента СССР попал в грозу, и Ельцин, будучи изрядно навеселе, указал единственно верный путь по карте, как обойти грозу – они полетели и обошли. Иной путь был бы чреват катастрофой.

Ельцин не боится принимать жесткие решения, не боится он и крови. В отличие от Горбачева – он не продукт, а изгой коммунистической системы, а потому не боится расправляться с ней, и расправляться жестко. Есть у него еще один отработанный годами управленческого опыта прием: если не можешь ничего дать, дай свободу. Понимая, в каком состоянии находится советская экономика, он идет намного дальше, чем готов пойти Горбачев. Руководствуясь подсказками группы Гайдара, он проводит через Верховный Совет пакет законов о либерализации целых сфер советской экономики, а с девяносто первого года резко отпускает цены. Крики Лигачева на Политбюро о том, что в СССР есть люди, кто живет на пятьдесят рублей в месяц, его не волнуют.

Противостояние с Политбюро заканчивается в девяносто третьем году. Попытка импичмента первого президента СССР через Верховный Совет – заканчивается штурмом здания отрядами спецназа, арестом большей части депутатов...

Ситуация в экономике начинает выправляться к девяносто четвертому году. Шоковая терапия в сочетании с резкой либерализацией экономики и началом приватизации дают свои плоды – разворачивается масштабное частное строительство, на рынках и в кооперативных магазинах можно найти все необходимое. Тем не менее процесс перехода к рынку сложен – до тридцати процентов советских граждан проваливаются в нищету, до десяти процентов подсакивает безработица.

Первый действительно серьезный рост в экономике был зафиксирован в 1997 году. А в 2003 году начала расти цена на нефть, положив начало пятилетке нефтяного бума. К 2010 году Советский Союз вышел на второе место по ВВП в мире после США. С небольшим отставанием или Япония, Китай и Германия, если считать результаты конфедерации, а не ГДР и ФРГ по отдельности.

Таким образом, в экономике перестройку можно было считать успешно завершившейся, хотя и немного не так, как предполагал ее начинатель. А вот в международных делах все было намного хуже. Лишившись стратегического предполья, СССР был зажат на континенте с одной стороны блоком НАТО, с другой – враждебным

Китаем, с третьей – не менее враждебной Турцией, возглавляющей блок мусульманских стран. Потерявший свой блок и свой пул сторонников, СССР тем не менее был способен уничтожить США менее чем за час. И потому холодная война продолжалась...

Проснулся я, как обычно, рано. Не могу избавиться от приобретенной на Востоке привычки вставать очень рано. Там встают для первого, еще ночного намаза, а начинают работать в шесть утра. Заканчивают в час дня из-за жары, потом – примерно до четырех – сон и вечером уже развлечения – кальян, кино, все дела. Выходной один – пятница...

Они совсем не такие, как мы.

Проснувшись, я не мог понять, где я нахожусь, вместо жесткой и узкой койки – кровать, вместо глиняной стены – обои. Потом я понял – дома. Я – дома. В своем новом доме. К которому я еще не привык...

Квартира была кооперативная, ельцинка. Я ее купил на «боевые» – советнические деньги, которые заработал во время спецкомандировок в жаркие страны. Ну и... свои добавил, конечно. Ельцинка – это промежуточный вариант между нормальной квартирой и брежневкой, их строили в девяностые, когда Ельцин^[1], для того чтобы связать необеспеченную денежную массу, которую до этого навывускали, издал серию президентских декретов, по одному из которых отменялось большинство ограничений в сфере строительства, и в эту отрасль допускался частник. Собственно, шабашник был в строительстве всегда, просто Ельцин, сам профессиональный строитель, это узаконил. Ну и разрешили кооперативы без ограничений, частные строительные компании, на селе сняли ограничения по метражу и этажности частных жилых домов – строй хоть три этажа. В итоге – начали строить вот такие вот чудеса – девяносто квадратов жилой площади, кухня шестнадцать, лоджия десять, при этом низкий потолок, тесный и отдельный санузел, еле живой лифт и слышно всех соседей – на звукоизоляции сэкономили. Строили кооперативщики специально для озверевших от тесноты советских граждан, которые тогда хватали любое жилье, которое было, решали квартирный вопрос явочным порядком. Главное, тогда был метраж, больше ни на что не смотрели. Ну и кухня, чтобы не толкаться. Потом немного поутихло, потом разработали унифицированные серии, ими сейчас «Аэропорт-2» застраивают – там потолки два и восемь, подземная парковка, как в загнивающем капитализме. А эти стали продавать по дешевке – вот я и купил, благо деньги были. Мне одному много не надо.

Ладно, пора вставать.

Поколотив вместо намаза мешок и поработав на тренажерах (у меня их три, одна комната целиком ими заставлена – живу-то один), пошел в душ. Вода опять еле теплая... ну что это такое? Право слово. Хотя...

В Афганистане хорошо, если была такая...

В прошлом месяце мне исполнилось тридцать пять лет – десять лет до предельного срока^[2], но так мне до пенсии год остался. По итогам третьей афганской спецкомандировки мне подвесили подполковника, хотя я точно знаю, что есть в штабе кое-кто, кто голову отдаст за то, чтобы я навсегда остался капитаном. Но звания для меня, скажем, дело не такое важное. Если бы я хотел быть генералом, то устроился бы в первый отдел «Ижмаша», там все сотрудники действующие, и с присвоением званий^[3] проблем никогда не было. Но скучно там. Скучно.

Имен у меня много. Афганцы меня звали рафик Искандер^[4], ливийские спецназовцы

просто – Аль-Ах^[5]. Вооруженная оппозиция в Афганистане называла меня Джинном и давала за мою голову сто тысяч долларов США. Видимо, такие аналогии у них возникли потому, что и я, и вся моя группа знали арабский и могли сойти за душманов – наемников из стран северной Африки или Персидского залива. В документах, которые хранятся в сейфе начальника отдела кадров УКГБ по УАССР, стоит имя Александр Васнецов, но оно тоже фальшивое. Его я получил на первой неделе обучения, когда нам приказали за один час придумать себе новое имя, желательно взятое из литературы, чтобы запоминать было проще. Кто-то брал фамилию и имя героев произведений, а я взял фамилию известного русского сказочника Васнецова. Зачем? Затем, что сказка ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок. Это у меня хобби такое – я читаю русские сказки. И на самом деле там больше мудрости, чем кажется на первый взгляд.

Вода стала еще холоднее. Что и неудивительно, мы мучаемся с этим не первый год. Из-за дерегулирования строительного комплекса – жилье строится намного быстрее, чем инфраструктура. Но думаю, это лучше, чем ютиться на тридцати метрах всемером.

Завтрак мой прост – кофе, заваренный еще вчера, и лепешка. Лепешки я покупаю у Сейфулло, переехавшего сюда таджика. У него небольшая пекарня на Ленина, и туда ходит полгорода. Даже простая лепешка получается вкуснее, чем буханка хлеба с хлебокомбината^[6]

...

Вряд ли Сейфулло подозревает, кому он продает эту лепешку. У многих таджиков с той стороны родственники...

Утро обещает быть добрым...

На работу я пойду, конечно же, пешком – погода хорошая, чего париться в автобусе. Время есть... старый Ижевск – город относительно небольшой, многие пешком на работу ходят – например, не раз видел идущего на работу Михаила Евгеньевича Драгунова, он в центре живет, у шестьдесят восьмой школы.

О... кажется, начинаю государственные тайны выдавать.

В самом засекречивании и конструкторов, и разработок я не вижу ничего, кроме бреда. Все равно мы с «Абаканом» и Унифицированным комплексом^[7] идем впереди американцев, сколько бы они ни вылизывали свою «М4». В более крупном калибре мы тоже впереди – «Барретт», с его сдвигающимся стволом не конкурирует со «Взломщиком», дающим минутные группы, а «КОРД» – даже нет смысла сравнивать с «М2», которому вот-вот исполнится сто лет со дня принятия на вооружение^[8]. Возможно, имело когда-то смысл секретить средний калибр – НАТО и близко не имеет такого на вооружении, полуавтоматическая винтовка калибра 9x72 и пулемет под тот же патрон, который запросто выбивает духов от тысячи и далее метров, но теперь-то какой смысл, если мы их продаем и на выставках выставляем. Но тем не менее секретят. И самый бред в том, что этим занимаюсь и я в том числе.

Сейчас я прикомандирован как раз к первому отделу «Ижмаша». По документам я там числюсь инспектором, но по факту решаю две задачи. Первая – отработка антитеррористической защищенности громадной территории основной площадки «Ижмаша», включающей в себя МСК-11, МСК-12, МСК-13 и МСК-14, а также «Ижсталь». А защищать есть чего, учитывая наличие там оружейного конструкторского бюро, ракетного конструкторского бюро, бюро, занимающегося совместно с Казанью и ИжГТУ^[9] ударными БПЛА, и конструкторское бюро, занимающееся управляемыми артиллерийскими снарядами

и головками самонаведения для авиабомб. Вторая – работа совместно с ижмашевскими стрелковыми КБ по модернизации старых образцов и запуску новых. Все-таки реальный опыт работы с оружием, в том числе в Афганистане, бывает не лишним. Хотя прислушивается ко мне в основном молодежь, зубры непробиваемы, их только директор по качеству – Гольдман Павел Яковлевич – расшевелить может. Тот за три рекламации в квартал лишает квартальной премии, за пять ставит вопрос о снятии начальника цеха...

Ижевск – город, расположенный на холмах. Чем-то он напоминает мне Дамаск, хотя улицы чище, и простора на них больше, но в Дамаске так же холмисто. Я выхожу на улицу Ленина, мельком отмечаю, что в «Октябре» очередная серия «Унесенных смертью» – вон, перед кассами уже стоят. Дальше – крутой спуск вниз, недавно вымощенная дорога у ФЗУ № 8 – и ты выходишь на плотину и Дерябинскую набережную. Слева – кованая решетка старого заводского корпуса и сам корпус тысяча восемьсот второго года постройки, слева – недавно переделанная набережная и пруд с чайками, на той стороне пруда виднеются облицованные синим стеклом купола ЭМЗ – секретная электроника и зенитно-ракетные комплексы, их дочка^[10] – собирает игровые приставки «Компьютер», уже шестая версия вышла. Еще дальше – строящийся мост через пруд, он выходит как раз на эстакаду у МСК-14 и после его завершения должен сильно разгрузить старый центр города, в частности – узкую Максима Горького. Ну и то, на что я стараюсь не смотреть – тридцатидвухэтажное одоробало торгово-делового центра «Ижевск», выстроенного у самого пруда и неповторимо испоганившего весь вид города с воды. Его поставили в начале нулевых, на излете бума частного строительства, когда государство начало наводить порядок, но дело было сделано. Самое высокое здание Ижевска на сей день, на мой взгляд, и самое уродливое. Внизу – конторы, сверху – гостиница с высотными номерами. Они не пустыют – вид там действительно хороший.

Город меняется, это видно на глазах. Когда я уезжал, уже был, а стройка метротрама^[11] и вот эта вот треклятая гостиница, но еще не строили мост, не застраивали «Аэропорт-2» и не расширяли автозавод. И хочется верить, что все будет хорошо...

Почему я все это вам рассказываю? Ну, во-первых, надо же чем-то заняться, пока иду. Во-вторых, я люблю свой город. Я в нем вырос, хотя корни моей семьи не здесь. И я продолжаю его любить, несмотря на то что побывал в разных местах – от Танжера до Кабула, включая Дамаск, Багдад, Триполи, Могадишо и еще много разных мест.

Справа – старая проходная, слева – здание пожарной части, по транспорту около нее можно увидеть, кто приехал. Директорской «Вольво» еще нет, а вот старая черная «Татра», на которой ездил еще Белобородов^[12], – на месте. Значит, Степан Петрович Белоусов, полковник госбезопасности и начальник первого отдела «Ижмаша», прибыл на работу. Идти к нему сейчас смысла нет – не пришел в себя после вчерашнего...

Да, попивают. Тут их четверо было, но благодаря тому, что «Ижмаш» большой – нынешний генеральный Иван Степанович Кольцов разогнал собутыльников по разным углам, кого на автозавод, кого на металлургический, аж на Воткинское шоссе. Но Белоусов пить не прекратил. Это уже клиника.

Впрочем... год до пенсии, ничего уже не нужно. Лошадь стоит посреди борозды – ей до звезды, а мне тем более до звезды. Пару дней назад я положил в рюкзак несколько кирпичей и ночью легко проник на территорию со стороны эстакады на МСК-14. Отчет об этом в Москву пока не ушел...

Иду дальше. Мне – на пятую, «угольную» проходную, оттуда сотня метров, и новый

корпус оружейки. Вечером еще надо...

Оп-па...

Машину начальника УКГБ по УАССР, генерала госбезопасности Кружилина не заметить невозможно – это «четыреста двадцатый» «мерс». Точно такой же возит председателя ПГУ КГБ. Где Кружилин взял такую тачку – непонятно, скорее всего, в ГДР. Еще непонятнее, почему его еще не сожрали...

Кстати, интересно, как сам Кружилин здесь оказался – целый генерал-лейтенант. Республика маленькая, здесь потолок – полковник, максимум генерал-майор. А его сюда с центрального аппарата сослали в этом звании.

Иду к машине, вышколенный порученец молча распахивает передо мной дверь. Молча сажусь. «Мерс» величаво разворачивается на стоянке под угрюмыми взглядами гегемона, стоящего перед проходной. Там восемь ручьев, но работают максимум три. Как всегда...

«Мерс» ласточкой взлетает на крутую горку у ФЗУ, с резкими звуками крякалки выходит на Максима Горького и тут же уходит на Советскую. Здание УКГБ совсем рядом, оно на перекрестке Советской и Пушкинской, величавая четырехэтажка сталинского стиля. Когда генерал Кружилин заступил на должность, он приказал отремонтировать ворота, которые дают возможность въезжать прямо во внутренний дворик здания, и он единственный пользовался этим входом, точнее, въездом. Нарушая правила, мы уходим туда с встречи, машины пропускают. Красный на специальном светофоре меняется на зеленый...

– Прошу за мной...

Поднимаемся наверх. Красный ковер на полу, какие-то детские рисунки на стенах, аккуратно взятые в рамочки. Ага... похоже, генеральский этаж. Тут же сидит спецсектор, он отвечает за все дела, связанные с погранвойсками КГБ. Теперь, после Парижских соглашений, под погранвойсками КГБ понимается спецназ. Наши дипломаты протащили под видом погранвойск формирование трех дивизий спецназа...

– Прошу...

Ну, да... конечно...

– Михаил Ефимович.

– Саша...

Михаил Ефимович Янкель – личность почти легендарная. Еврей, полковник ПГУ КГБ, личный друг Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи, кавалер иракской медали Мужества. Ставил разведку во многих странах Востока. Он никогда не служил в армии, его отец был дипломатическим работником, и Михаил Ефимович все детство провел на Востоке, выучил языки. Он закончил МИМО, Московский институт международных отношений, и дважды пытался уйти из разведки, но каждый раз возвращался. Со службы непросто уйти...

– Салам алейкум.

– Ва алейкум ас салам...

В кабинете, кроме нас, никого. В подстаканниках, помнящих еще Берию, остывает густой, как деготь, чай...

– Как живешь?

– Норм...

– Не женился еще?

– Пока нет...

– Напрасно. Аллах велел создавать семьи, коли есть возможность их содержать...

Янкель – уникальный человек, помимо прочего – он нелегально год отучился в университете аль-Азхар в Каире, если бы узнали, кто он, то отрезали бы голову. Он неоднократно встречался с лидерами отрядов душманов в Афганистане, вел богословские споры, а однажды заставил устыдиться преподавателя богословского факультета Кабульского университета. В Афганистане у него тоже была кличка – шурави иблис, русский дьявол. Хотя он был евреем, для душманов мы все были шурави...

– Я не могу содержать семью. Все деньги на квартиру потратил...

Смех. Неспешный разговор. Все как и положено на Востоке. Я понимаю, что это тоже проверка.

Что-то произошло...

– Саша, ты помнишь такого Мохаммеда Юсефа?

– Помню.

– И что, о чем думаешь?

– Язык хорошо подвешен.

Янкель отхлебывает чай:

– Ты лично знал его?

– Да. Но с ним работал ХАД^[13], не мы. Мы его передали ХАДу по договоренности, когда сворачивали легальную резидентуру.

Да... я его знал. Афганистан многое изменил... если до Афганистана было четкое деление на добывающих офицеров и силовое прикрытие – спецназ, то Афганистан поломал все схемы. Попробуйте, например, безопасно встретиться с агентом в госхозе на границе с Пакистаном, где до обеда власть наша, а после обеда – духов. Именно для таких целей был создан «Каскад», агентурно-боевое подразделение, в котором были собраны опера областных и республиканских УКГБ, прошедшие диверсионную школу в Балашихе. Этакая современная реинкарнация СМЕРШа. «Каскад» располагался в разных провинциях Афганистана, мне в первую ходку довелось хлебнуть лиха в Джелалабадском. Да... это там, где Хост под боком и про который бытует поговорка: «Если хочешь пулю в зад – поезжай в Джелалабад». Но как-то выжили, выдюжили среди снайперских пуль, мин, итальянок и желтухи, которая косила почище любой мины. Именно там я получил первое свое ранение и первую свою награду...

– Он способен на что-то серьезное?

Я покачал головой:

– Нет.

– Уверен?

– Сто.

– Почему?

– Однажды, – начал вспоминать я, – он оказался в медресе Махмадия, на той стороне границы. Там были люди из группировки Халеса. Юсеф стал поучать всех, потом он начал говорить, что знаком лично с каким-то крутым шейхом. Один из банды Халеса был душманом из Саудовской Аравии, он начал спрашивать Юсефа по каким-то там фетвам этого шейха, и быстро выяснилось, что все разговоры о личном знакомстве с шейхом – вранье. Ему дали конкретных п...лей, прилюдно, и выгнали из медресе, с тех пор он предпочитает вести джихад языка в Интернете. За ним ничего нет, даже нормального религиозного образования, он балабол. Если бы не слава его старшего брата, его давно бы прирезали.

Янкель кивнул.

– Что-то произошло, Михаил Ефимович?

– Произошло, Саша. Надо ехать...

В аэропорту нас ждал легкий транспортник «Грач», переделанный в административный, с девятиместным роскошным салоном – генеральский самолет, как его называли. Пока мы летели над Среднерусской равниной, неспешно проматывая леса, озера, поля, железные дороги и города в мутном кинопроекторе окна, Янкель рассказал остальное...

– Четыре дня назад Юсеф вышел на наших людей в Сараево.

– В Сараево?!!

Янкель нетерпеливо показал рукой, не перебивай.

– Да, в Сараево. Он был сильно испуган, сказал, что ему нужно укрытие в обмен на информацию. Мы решили проверить, сам знаешь, спешка хороша только при ловле блох. Попросили его дать какую-то проверяемую информацию, полезную нам. Он дал, мы проверили. Информация подтвердилась. Тогда мы послали группу эвакуаторов, чтобы вытащить его. Связь с группой пропала вчера...

Ясно...

Спешка действительно хороша лишь при ловле блох, я это знал хорошо – об этом мне напоминают шрамы от осколков. Минно-взрывную травму я получил во дворе нашей виллы в Джелалабаде – один из информаторов на очередную встречу с нами надел пояс шахида. Меня спас Володя Гогоберидзе, сам того не желая, просто оказался между мной и эпицентром взрыва. Хоронили его в закрытом гробу...

Интересно, как Юсеф оказался в Сараево? Сараево – это вообще больная тема, остаточные последствия развала Югославии – страны, которая, возможно, была не идеальной, но давала возможность как-то существовать в мире народам, на руках которых немало крови друг друга. Выделение Хорватии поддержали все, в том числе США и ФРГ. ФРГ получала через дружественную «Кроатию» выход в Средиземное море. Тут же начали выходить и остальные, последовала драка за сербские анклав и драка за Боснию и Герцеговину, в которой сыграла роль третья сила – мусульмане. Мы на дыбы встали уже тогда. Потом из-за пирамид началась дестабилизация Албании^[14], произошла попытка отторжения от Сербии Косово. У нас ухудшение отношений с США началось еще с Боснии, в Косово чуть дело не дошло до войны. В итоге произошел свое-образный обмен – сильно обкорнанное Третье союзное государство признало Хорватию, Словению, США отказались от поддержки албанских бандитов УЧК, а в сильно фрагментированной Боснии и Герцеговине был принят компромиссный вариант. Он предусматривал создание конфедерации анклавов по типу Швейцарии и формирование не одного, а целых трех правительств – сербского, хорватского и мусульманского. Забыли, правда, о том, что в БиГ нет банков, сыра, часов, и вообще нет практически ничего. Большого бреда – три правительства в и так не богато живущей территории – и придумать было сложно. Но это позволило прекратить безумную осаду и бомбежку Сараево, некогда столицы зимних Олимпийских игр, и вообще хоть как-то стабилизировать ситуацию. Югославия же, видимо, стала прологом новой холодной войны...

Теперь безумие тогдашних «веселых деньков» немного улеглось, но Албания и Босния с Герцеговиной стали воротами для исламского джихада в Западную Европу. Когда в аэропорту Загреба приземлялись иранские «Боинги-747», привозя по шестьдесят тонн оружия и снаряжения (операцию югославского спецназа в аэропорту Загреба включили в учебники), всем было все супер, и США, и немцам с их военной разведкой МАД, которая

контролировала этот канал и тоже поставляла оборудование бывшей армии ГДР в зону конфликта.

А теперь в Москву то бундес-канцлер придет, то президент Франции, а восточноевропейские страны с их проамериканской позицией уже не вызывают ничего, кроме головной боли. А ведь как радовались-то, когда ОВД рухнул. Свобода!

Свобода, твою мать...

В Жуковском техники заканчивали последние проверки черного, покрытого частично поглощающей излучение локаторов краской, обвешанного антеннами «Ан-70». Ребята закидывали в салон снарягу, я вскинул руку в знак приветствия, и мне ответили тем же. Рядом с темно-зеленым, скорее всего бронированным «базиком»^[15] стоял знакомый «Пежо». Это машина генерал-майора Литвиненко, начальника главка спецназа КГБ. Я его знаю лично, потому что во время первой командировки в Афганистан он командовал «Каскадом-1».

Подошел, поприветствовал по всей форме.

– Товарищ генерал-майор...

– Времени нет. Документы подпиши, и на борт. Давай, давай...

Делать нечего. Пошел разыскивать, где мне документы подписывать. Ага, вон. Паша Станкевич с планшетником стоит, смотрит, как бы чего не украли. Арбатский военный округ, твою мать...

– Шолом, Паша...

Паша дернулся. Мама у него... короче, на пятую ногу он хромает весьма ощутимо^[16]. Я не антисемит, у нас в группе были евреи, один с Одессы был парень, подорвался. Вопрос не в национальности. А вопрос в том, что в армию идут воевать – или я чего-то в жизни не понимаю...

– Попрошу...

– Ладно... где мне подписать?

Паша потыкал в экран и со скрытым злорадством в голосе объявил:

– Прошу простить, товарищ подполковник, но лететь вы не можете. У вас взыскание по партийной линии...

Баба с возу, кобыле легче.

– Паш, ты это Литве скажи, хорошо...

Интересно, стукнет или нет. В спецназе никто не пользуется фамилиями, все носят клички. Кличка должна быть такая, чтобы проговаривалась на одном дыхании. Генерала все звали Литва, хотя никаким литовцем он не был.

Пусть стучит...

Подошли к генералу, Станкевич объяснил ситуацию. Генерал скривился:

– За что?

– Проигнорировал партсобрание, не сделал на нем обещанный доклад.

Ага, здорово. С контузией докладывать самое то.

– О чем доклад то?

– Следование принципам демократического социализма как основа курса КПСС при Борисе Николаевиче Ельцине...

Генерал нехорошо взглянул на меня, потом сказал, как отрубил:

– Под мою ответственность.

– Есть. – Станкевич еще не достиг той степени просветления, чтобы спорить с генералом

Станкевич обратно побежал смотреть за матценностями, чтобы не стырили чего.

– Что? Все нарываесть? С Интернета скачать не мог?

...

– Я вас, б... партконференции конспектировать заставлю, от и до. Пошел на борт. И только попробуй там облажаться...

Босния и Герцеговина. Дорога на Сараево. 19 апреля 2010 года

- Девятка – Осе, Девятка – Осе.
- На приеме.
- Прошли три коробочки, три коробочки.
- Принял. Что за коробочки?
- Белые «Ланды». Прошли на скорости.
- Принял...

Транспортник перекинул нас из Москвы в Одессу, там дозаправились и приняли на борт еще несколько человек, которым проще было добраться до Одессы, нежели чем до Москвы. Там же закатали на борт четыре наших пепелаца – бронированные «УАЗы» с эмблемами ООН, их там как раз бронируют. С Одессы тем же летно-подъемным средством добрались до базы в Батайнице, Югославия, и вышли на дорогу, ведущую в Сараево, некогда оживленную, а теперь – полупустую. Здесь нас должен был догнать сербский спецназ, у которого в операции был свой, собственный интерес. Белые «Ланды» – это, скорее всего, их машины. Об операции знает ограниченный круг лиц в военной разведке Союзного государства. Те, кому терять уже нечего...

Дорога красивая, горная. Я такие в Крыму видел, в Афганистане, около водохранилища – там виллы правительства и самых богатых людей стоят, рай, по местным меркам. С одной стороны горы, деревеньки, но европейские, не с глиняными хижинами и дувалами, а аккуратные, беленые домики, где-то и черепица красная на крышах – красота. Леса, мостящиеся на крутых склонах, горные поля. Вот жили люди и жили. Мы их югами называли, я помню студента, который у нас учился, он даже привозил оттуда кое-что, начиная от женских сапог и заканчивая порнокассетами, простите, на которые тогда из-за отсутствия Интернета был большой спрос. Конечно, проблемы есть у всех, история у всех разная, счета друг с другом, но все это в прошлом. И из-за этого рушить страну?! Вот представьте себе, СССР развалился. И что будет? Это же... не знаю, что и будет, цензурно не выскажешь...

А сейчас? Пока ехали, насмотрелись – больше не надо. Люди на волах едут – это потому, что горючка дорогая. Двадцать первый век на дворе: нормально – нет?

Я стою слева от конвоя, лицом к движению. Еще левее от меня – отбойник и обрыв, если что, и прыгнуть можно, не разобьюсь, там деревья. Автомат под рукой, я специально прослабил ремень, чтобы подхватить, приклад плечом зажать – и огонь. Автомат не наш, из ФРГ – «НК416», как и у всех бойцов группы. Пулеметы тоже немецкие, как и снайперские винтовки. Во время нелегальной работы за рубежом запрещено использовать любое советское оружие и снаряжение, поэтому у каждого спецназовца есть комплект иностранного вооружения и снаряги. «Четыреста шестнадцатый» хорош чем – он хорош эргономикой, при этом у него приемлемая надежность, конечно, не неубиваемый «калашников», но все-таки. И у него компактный магазин, наш магазин на двадцать патронов по длине такой же, как их на тридцать. Казалось бы, мелочь, но если ты идешь в горы в Афганистане и несешь шестнадцать снаряженных магазинов – это уже не мелочь. В минусе, конечно, старый патрон и старая, известная уже лет пятьдесят схема. Это не Абакан,

которым можно сбить духа на пятьсот-шестьсот метров...

Ага... вон они.

Мы поставили машины так, чтобы их не было видно с дороги – вылетаешь из-за поворота – и вот они, мы. Сербы – если это они – повели себя грамотно. Не стали тормозить, а наоборот, втопили и пронеслись мимо нас, и только потом стали тормозить. Три машины, как и объявлено...

– Готовность два, – негромко сказал я. Готовность два, по нашим понятиям, – оружие под рукой и снятое с предохранителя. Но не целиться. Готовность один – прицел в сторону предполагаемого источника угрозы и палец на спуске...

Из головной «Ланды» вышел здоровяк в краповом, как и у нас, у вэвэшников, берете, я посмотрел через небольшой монокуляр. Ага, есть...

– Готовность три...

Здоровяка звали Милош. Он учился у нас на ускоренных, трехмесячных курсах, когда до остатков Союзного государства дошло, что их рвать будут, по-взрослому рвать, и никого, кроме СССР, за спиной нет. У Милоша была очень приличная семья, и он рассказывал о секретном завещании Тито – сближаться с Западом и никогда не смотреть в сторону Москвы. Вот и сблизилась...

От предложенной карты Милош отмахнулся.

– Оставь, я там все и так знаю.

– Что там?

– Раньше был кооператив, сельскохозяйственный, очень богатый. Торговали с Ближним Востоком.

– Теперь?

– Теперь не знаю. Мафия, наверное...

Мафия...

В распаде Югославии – и в наших проблемах в восьмидесятые – мафия сыграла очень большую роль. Здесь в свое время Тито, понимая, сколь глубоко засели в народе традиции бандитизма, заключил негласное соглашение с преступным миром – в Европе делайте что хотите, но здесь – вести себя тихо. Это было хуже преступления – это было ошибкой. В шестидесятые и семидесятые, и даже в восьмидесятые годы югославская организованная преступность делила Европу с сицилийской. С югославской мафией был связан Ален Делон, югославская мафия грабила банки, хозяйничала в Гамбурге, практически все видные полевые командиры времен Распада происходили из этой мафии. Но тут были сделаны две ошибки. Первая – мафия в Европе получила возможность контактировать с европейскими спецслужбами, в том числе с немецкими. Второе – мафия, в частности, хорваты получили возможность контактировать с заграничной оппозицией, со всеми этими усташами, которые разбежались по всему свету, ломанули в Испанию, в Канаду, опасаясь справедливого возмездия. Потом в конце семидесятых в каждой республике создали территориальные вооруженные силы – так называемые домобранские полки, с правом самостоятельно закупать оружие за границей. Зная историю Югославии, было бы странно, если бы при первых проблемах эти домобранские полки не напали на силы федерального центра. Так оно и произошло...

Мы прошли Сараево. Красивый город в горах, здесь есть даже небоскребы, такие, каких нет в Белграде. На стенах – следы от пуль и снарядов, не заделанные. Время намаза – одни

прямо на тротуаре расстилают коврик и бьют лбом об асфальт, рядом идут девицы в мини-юбках. Мусульманки, что характерно. Вот такой вот тут ислам.

– Проблем тут у вас нет? – спросил я Милоша.

– Каких?

– Ну Аль-Каида...

– Были тут какие-то... – лениво ответил он, – чо-то там говорили про чистоту ислама.

Их на пинках отсюда вынесли.

– Почему?

– Ну... как тебе сказать... ты и сам видишь. Я в этом городе рос. Могу тебе сказать на своем опыте – самые доступные девчонки были мусульманки. В христианстве секс – это грех. У нас, православцев, еще ничего, а вот у католиков с этим – мрак. Католички даже на танцы редко ходили. А у мусульман – никакого греха нет, все нормально... да что ты делаешь, скотина!

«Лендровер» резко тормознул, Милош высунулся из окна и начал поносить кого-то матом на своем языке.

Город. Странная смесь старинного и современного жилья, отметины от снарядов на стенах. Бойкая торговля – дуканы, совсем как в Афганистане, с коврами и кальянами. Шпили минаретов на фоне поросших лесом гор. Азан – клич муэдзина, на который большинству плевать, в том числе и мусульманам. Поток машин, тут же – мотоциклеты трехосные, ослы. Только хазарейцев с телегами, как в Кабуле, не видать...

– Кто тут сейчас миротворит?

– Датчане... – Милош добавил что-то нецензурное.

– А чего так?

– Трусы. Только по борделям ходят и кальян курят. С гашишем...

Машины мы бросили задолго до объекта. Выстроились афганским построением, с головным дозором, дальше тройками, с удалением на предел видимости. Тройка обусловлена чем – если нападение, то один может тащить в укрытие другого под прикрытием огня третьего. И сама по себе тройка имеет достаточную огневую мощь, чтобы обороняться минутку-две, пока не развернутся основные силы отряда.

– Один пулемет в голову, – командовал я, – второй в первую тройку. Третий ко мне. Снайперы в хвост. Мины тут есть?

– А то... – оптимистично сказал Милош, облачаясь из багажника своей «Ланды» – наверное, есть...

– Твою мать. Балу.

– Я.

– Пойдешь в голове.

– Есть....

– Смотреть по сторонам. Темп движения обычный. При обнаружении целей – доклад и работа. ПБСы^[17] примкнуть.

С предохранителей снять, патроны дослать – об этом я и не заикался. Тот, кто побывал в Афгане – по-иному не ходит.

Впереди – бывший кооператив, ныне превращенный в центр подготовки Аль-Каиды. По крайней мере, Юсеф так сказал, когда хотел, чтобы мы его забрали. Спутник подтвердил, что, скорее всего, так оно и есть....

Горы в Боснии и Герцеговине красивее даже Кавказских гор. Это я могу сказать точно.

Поросшие лесом неглубокие овраги сменяются обрывами по сто-двести метров, маленькие лоскуты полей и дороги, многие из которых в таком состоянии, что машина не пройдет, только осел. Здесь еще есть и железная дорога, проходящая через такие места, какие и слов не хватит описать. Здесь даже войны почти не было – не тот рельеф...

Понятно, почему выбрали нас – мы афганцы, привычные. Для нас – это почти что Хост, с его высокогорьем, солнцем, сухими, смолистыми соснами, такими же обрывами и жестокими перестрелками в лесу и между склонами, когда сначала ты стреляешь на десять метров, а через минуту на восемьсот. Столица провинции – одна немощеная улица и ряд домов вокруг нее, да дорогие джипы – Хост всегда зарабатывал, поставляя в Джелалабад и Кабул дрова, а дрова там на вес золота. Так что люди богатые, для них купить тот же «Барретт» на черном рынке в Пешаваре – не проблема. Там отбраковка происходит быстро и жестко. Либо ты учишься выживать и точно стрелять, либо возвращаешься грузом «двести».

Я, с группой из пяти человек и одним пулеметом, залег на дороге, ведущей к кооперативу. Остальные сербские спецназовцы и наши под командованием Моли сжимали кольцо вокруг бывшего кооператива.

– Моль – Кабану, – прошипело в наушнике.

– На приеме.

– Конкретная движуха, не меньше двух десятков духов. Три коробочки, две легковые и самосвал.

– К чему движуха?

– Не пойму. Вроде валить готовятся.

Это плохо...

– Доложи готовность.

– Пять минут.

– Принял. Атака по готовности. Держим тропу.

– Принял.

– Пулемет налево, – прошипел я, – духи готовятся валить. Увидишь транспорт – огонь без команды...

Пулеметчик, здоровяк из пятой бригады спецназа (Марьина Горка) с позывным Бульбаш, начал перебираться налево, до этого он держал правый фланг. Если что, он со своим «НК221» – даст джазу^[18]...

И тут я услышал двигатели на дороге. Не один, а два – крупные, как у легкого грузовика. Идут к нам.

Два грузовика – этого нам не хватало. Что, если это боевики или того хуже – миротворцы? И что делать?

– Кабан – Моли.

– На приеме.

– Движение на дороге входящее. Мы отсекаем, услышишь стрельбу – атака. Понял?

– Принял.

– Ни пуха.

– И тебе...

Ну, понеслась.

Я угнездил автомат на брошенный вперед, под цевье рюкзак однолямку и скомандовал:

– К бою...

Машины появились через минуту с небольшим. Два белых внедорожника «Шевроле Тахо». Я не придал значения, что американские – белые, а миротворцы на чем только не ездят...

Первым стрелял я – командир стреляет первым, вперед бабки никто не лезет, это святое. Цель – водитель в головной машине. Тоже с Афгана – первым делом надо валить водителя, стоящую машину расстреливать проще, а она еще и заминирована может быть. Замыкает цепь в таком случае обычно водила, на переднем, под ногами у пассажира бывают аккумуляторы и провода.

Стекло в прицеле моментально покрылось мутными разводами, но машина продолжала идти, даже ускорила. И я с ужасом понял – хрен вам. Машина бронированная.

– Броня! – крикнул я.

Под огнем головная машина прошла основной сектор обстрела и рванула к лагерю. Вторая остановилась, открылась задняя дверь – и по нам врезали из пулемета. Тут же ответил «Хеклер» Бульбы, заткнув пулеметчика раз и навсегда. Двое с правой стороны машины попытались перегруппироваться по обочине – я видел, как один подорвался на mine – хлопок, дымок, лежащий человек. Второй попытался помочь, но упал под градом пуль из пяти стволов...

Наверху, на дороге, оглушительно хлопнул фугас, раздавалась автоматная и пулеметная стрельба...

Хреново все...

– Бульба, Комар – на месте. Контроль направо. Жиган – контроль налево. Двое со мной...

Мины. Гребанные мины. Нет ничего хуже мин, а тут их полно...

Проползая буквально на пузе, мы выбрались на дорогу. Перебежали к машине – пахло бензином, но огня пока не было...

И номеров на машине тоже не было...

Перешел на пистолет – им с одной рукой проще. Один в багажнике,дохлый, судя по всему, но после того, как в горелой машине забитого каравана ожил дух и кинул гранату, я в такие вещи не верю. Еще один свисает из задней двери...

– Дим, контролируй машину...

Проверил пульс у того пулеметчика, в багажнике – пульса нет,дохлый. Валяется пулемет, обычный югославский «М85», лента на двести, если бы Бульба не загасил его первой же очередью – сейчас сами не знали бы, куда деваться.

– Шеф, этот живой...

– Контролируй.

Порылся по карманам, в первом же обнаружил документы. Пластиковая карточка, с фоткой. Морская пехота США, активная служба, имя – Джеймс Картрайт, воинское звание – капрал, грейд оплаты – E4^[19]. Все, приплыли. Морские пехотинцы США...

Б...

Сунул карточку в карман – сам не знаю зачем. Такое носить – себе дороже...

– Бульба...

– На приеме.

– Оставь пулемет, и ко мне.

Подбежал Бульба, я молча ознакомил его с трофеем. Тот пробормотал что-то на своем языке.

– Что делать будем?

– Я наверх. Смени позицию и будь готов к неприятностям. Если что, отходи в застройку, рогом не упирайся. Хоп?

– Хоп – типично для «афганцев», понял? – понял! Хотя «хоп» – это из ташкентского сленга.

– Ты за старшего. И еще...

...

– Живых тут не было.

– Понял.

Конечно, добивать раненых – дело последнее. Никто такого в здравом уме делать не будет просто потому, что можно и самому оказаться раненым или в плен попасть. Но мы – не все. Мы – спецназ. Проводим операцию в зоне, контролируемой миротворцами ООН, что само по себе преступление. И пофиг, что миротворцы ни хрена тут не контролируют, и тут уже лагеря Аль-Каиды появились. Так что решение единственно верное – никого за спиной не оставлять. Нас тоже, доведись нам встрять, в живых не оставят.

В одиночку пошел наверх, по дороге в одиночку можно, мин тут точно нет, а если кто-то и выскочит – с одним-двумя я точно справлюсь. Наверху у самой стоянки догорал прорвавшийся головной джип – там, скорее всего, тоже американцы. Либо из посольства в Загребе, либо еще откуда. Пахнет гарью, горелым мясом и покрывками – знакомый запах забитого каравана. Наверху последними угольками потрескивают выстрелы – контрольные.

Наверху встретил Моль, он же – старший прапорщик Малкин. Моя опора в отряде. Перевязан, но на ногах и лыбится. Значит, все нормально. Относительно, конечно, нормально по-настоящему в спецназе не бывает никогда.

– Что там?

– П...ц. Их там в основном доме как тараканов было.

– Потери?

– «Двухсотых» нет. Один «трехсотый» – Бивень.

– Кто?

– Ты его не знаешь. Из морпехов пришел, совсем зеленый.

Все правильно. В бою погибают и получают ранения, как правило, самые неподготовленные члены отряда...

– Сам как?

– Норм.

– А это – че?

– Зацепило немного. Ничего, ширнулся – нормально.

Б...

– Иди к Дюку. С ранеными закончит – пусть тобой займется. Ты мне нужен на ногах.

Дюк – наш медик. Причем настоящий... почти – у него семья медики, врач в третьем поколении. Он из Одессы...

Дом, который я видел только на спутниковых снимках, – теперь передо мной, с расхлестанными автоматным огнем окнами. Сербы взяли с собой крупнокалиберную винтовку Черная стрела – и подавили точки одна за другой, пуля просто проламывала стену и вместе с ней стрелка. Без этой винтовки было бы намного мрачнее.

У дверей встретил Девятку – старший лейтенант Хромов, из Ленинграда, кличка такая потому, что, вернувшись из Афгана, купил втридорога у перекупщиков «девятку», «ВАЗ-2109», причем в экспортном исполнении для Бельгии, и так и ездил на ней до сих пор. Если я вылечу из отряда или уйду на повышение – отряд примет он.

– Что там?

– П...ц, – нецензурно выругался он, – мясники конченые. На втором этаже...

– Цел?

– Да.

– Собирай людей и занимай оборону. Будут неприятности.

– Без вопросов. На дороге что?

– Собирай людей и занимай оборону, – повторил я.

– Есть.

Внутри на полу месиво из человеческой крови, растоптанных вещей, гильз... в общем, все, что и бывает при массовом и жестоком боестолкновении. Валяется оружие – до хрена его тут, трупы – их оттащили к лестнице, их пять – это только то, что я вижу. На столе Дюк занимается раненым...

– Дюк?

Он, не отвлекаясь, показал большой палец. Уже легче...

– Все компы, все носители информации собрать и в мешки! – громко отдаю очередной приказ. Терять ничего нельзя, обычный сотовый может быть бесценен.

Поднимаюсь на второй этаж. Кровь на лестнице (она, кстати, каменная), кровь на площадке, кровь в комнатах – везде кровь. Дом сложен так, что низ – из местного камня с цементом, а верх – легкий, деревянный, пуля только так прошибает.

– Кто?

– Кабан.

В большой комнате мебели совсем нет, пол застелен ковром, и на нем спальники, воняет бараниной, дерьмом, кровью. На стене – углем или краской метка – кибла, направление на Мекку. Трупы сложены в небрежный ряд у стены, все с разбитыми головами – контрольными стреляли. Крови натекло столько, что она собралась в общую лужу и медленно просачивается к двери. Тут же отдельно автоматы, сброшенные пустые магазины...

Семь человек. Спальников двенадцать. Нехреново тут устроились.

– В соседней...

Захожу в соседнюю. Тоже спальники, тоже нет мебели – только на стене распят человек. Стволом отодвигаю длинные волосы – это Юсеф. Его прибили гвоздями к стене, после чего начали медленно снимать кожу с ног. Афганцы, значит, тут афганцы. Для них это не проблема. Как-то раз, еще в первую командировку, они попытались запугать нас пленным, сделали «тюльпан»^[20]. Я не буду говорить, что мы сделали в ответ – военная прокуратура работала и работает с неотвратимостью гильотины. Но скажу одно – больше духи нас пугать не пытались. Убивали – было дело. А мы – их. Но пугать – больше не пытались. Потому что дотумкали, мы – не призывники зеленые. И меряться с нами одним местом бессмысленно. Нет ничего такого, что мы не могли бы повторить и даже творчески усовершенствовать.

Гудят мухи... гудит в голове... медный привкус крови оседает на языке. Давненько такого не видел. Интересно, а американцы, которые сюда ехали, им это как? Мозг не жмет?

Ну, ладно...

Кровь уже почти сохлась на полу черной луже, рядом лежит нож, возможно, тот самый, каким это сделали. Небольшой, какой-то странный – не похож на восточные ножи. Поднимаю, смотрю... да, не восточный, карманный какой-то. Интересно, кто это рукастый такой?

На улице вспыхивает перестрелка, хлопает граната – и все обрывается. Бегу туда...

Спецназовцы – сербские – столпились около одного из домов. Милош тоже там.

– Что?

– Сам глянь.

Захожу. Дом, но чердака в нашем понимании у него нет. Мощные балки – вверху, в темноте. На столе – две отрезанные головы, смотрится это как-то... до дикого обыденно – лежат отрезанные головы и лежат. Еще одного распяли. Пульса уже нет, югославская форма залита кровью. Ему медленно резали живот.

Пленные. Или похищенные.

В горле комок, а где-то внутри холодным комом шевелится ненависть. Если бы я мог, я бы отдал приказ нажать на кнопку и покончить со всем разом. Нанести ядерный удар по всем крупным мусульманским городам. И больше этой проблемы не будет.

Тут были двое. Я подхожу ближе, смотрю. Один палач – вон, перчатки на руках в засохшей крови. Расстегиваю ширинку и мочусь на него – больше я ничего «хорошего» сделать не могу. Отдать бы на корм свиньям, да свиней нет. У нас, на базе в Джелалабаде – свиньи были. Их выпускали гулять по двору, и никто из афганцев к нашей базе не приближался. Корм у свиней тоже был – всегда. Иногда одного обещания посадить в загон к свиньям хватало.

А этот живой еще, раненый, но живой. Я так подозреваю – телохранитель, личник. У джихадистов – к амиру джамаата, и к ценным специалистам, например, к опытному пулеметчику, снайперу, тому, кто обучен на «Стингере» работать – приставляют охранников, иногда не одного...

Афганец, я это вижу. Не меньше тридцати, опытный. До тридцати в Афгане еще дожить надо. Смотрит исподлобья, думаю, он понял, кто я и что его ждет.

– Ну че, с...а? – сказал я. – Мало тебе Афгана, так еще и сюда приполз?

Пленный молчал.

– Пашто поежи?

...

– Куа ап урду болте хан?^[21]

Пленный злобно смотрел на меня.

– Немой значит. Дер ши дык. Немые нам не нужны. Повесить.

Пленный заорал, дернулся, один из сербов ударил его прикладом, второй – ногой. Для душмана смерть через повешенье позорна. Если застрелить или зарезать – то он шахид и ему – рай. А если в момент смерти горло не свободно – то душа выходит через другое... отверстие и предстает перед Аллахом вся в дерьме, простите. Понятно, что в таком виде ни в какой рай не принимают.

Но я и не хочу, чтобы он попал в рай. У меня с такими свои счеты. Еще начиная с Национального примирения, которое власти честно пытались проводить. Такие вот гаврики клялись, что никогда больше, что ни грамма в рот, ни сантиметра в ж... завязали короче, а потом, под покровом ночи шли и резали. Я лично знал тех афганцев, которые искренне были

за нас, которые поверили нам и погибли так, как животные под ножом мясника. Я знаю, как вырезали целые семьи. И потому суд у меня короткий и недолгий. Лучший дух – мертвый дух. Нас все равно больше, чем их. Рано или поздно их не останется. Вообще...

Фотографирую на телефон. Понятно, что никаких документов нет – у группы эвакуации их и не бывает. Потом выхожу... дело сделано... надо отходить...

И тут, почти на пределе слышимости, я слышу ритмичный такой звук... похожий на шевеление воздуха, на полет шмеля или майского жука, только еще тише. И я понимаю, что неприятности только начинаются.

– К бою! Воздух!

Кто-то уже услышал... времени в таком случае нет совсем, вертолет может нести несколько десятков ракет, пулемет и даже автоматическую пушку. Упаси бог оказаться на местности против вертолета...

Вламываюсь в дом... Бивень уже сидит, трогает повязку. Похоже, Док вкатил ему такой коктейль, что дай команду – рванет бегом.

– Воздух! Приготовиться! Смотреть, кто видит!

Те, кто был наверху, скатывается вниз.

– Бульба! Бульба, прием!

– На приеме.

– Видишь метлы?

– Подтверждаю, восемь единиц.

Сердце проваливается куда-то вниз. Восемь единиц достаточно, чтобы высадить две десантные роты.

– Уходи в застройки, если можешь!

– Принял.

– Вижу цели!

Подскакиваю к окну... едва не поскользнулся и даже не понял, что я вижу. Потом дошло – шесть десантных вертолетов типа «Дефендер» и два – типа «Ястреб». «Дефендер» несет максимум шестерых на внешних скамьях, «Ястреб» – до четырнадцати. Шестьдесят человек. Все равно очень много, если учесть то, что «Ястреб» может нести вооружение...

– Готовность! Цель воздушная, групповая.

Конечно, нет крупнокалиберного пулемета – с ним можно было бы устроить янкесам что-то типа «Черный ястреб» сбит ^[22] – два. Но и с тем, что есть, мы еще повоюем...

– Огонь по целям!

Начинает работать пулемет... тут справятся, а мне надо организовывать оборону, я не знаю, что в задней части дома. Надо связаться со штабом, запросить эвакуацию под огнем. Не хочется думать, что будет, если эвакуации не будет и нам придется пробиваться к машинам...

Комната сзади – там трупов нет, но полно зеленых ящиков, ими заставлено больше половины комнаты. Прикладом расшибаю один – автоматы! Лежат в заводской смазке, я хватаю один и забрасываю себе за спину. Это для того, чтобы разведка потом могла определить, откуда дровишки по заводскому номеру. Автомат – или Болгария, или Китай.

Тут же стоит пулемет, явно уже юзанный, судя по привязанной к прикладу зеленой тряпке. Лента заправлена. Подхватываю его и бегу в следующую комнату – там выход на террасу, нависающую над очень крутым склоном. Дом стоит на холме, у самого обрыва. Как раз в этот момент над домом, грохоча пулеметами, проходит «Черный ястреб» – гребаные

американцы. Падаю на колени и открываю огонь из пулемета, пытаюсь удержать его в руках и одновременно попасть по хвостовому редуктору. Если его повредить, то будет «Черный ястреб» сбит, начнется неконтролируемое вращение, и вертолет упадет...

Вертолет медленно разворачивается над двумя сотнями метров пустоты под брюхом, и мне приходится убираться от ответного огня. Высаживаю ленту и бегу обратно, пока бортовой пулеметчик пытается превратить меня и заднюю часть дома в ничто.

Выскакиваю обратно под торжествующие крики:

– Одного сбили!

Понятно, что не бесплатно, Дюк занимается одним, не вижу кем.

– Аппаратура!

Мне показывают на два рюкзака рядом с трупами.

– Бульба. Бульба, это Кабан, прием.

– На приеме.

– Доложи!

– Один «двухсотый». Отступили в застройку.

– Занимай позиции, ближе к основному дому.

– Принял!

Пытаюсь посмотреть, что на улице, и становлюсь свидетелем, как сбивают еще один вертолет. Видимо, сбили его сербы, из «рушницы», как они говорят. Вертолеты высаживают десант, пулеметы с обоих бортов работают, не затыкаясь, и тут «Блек Хок»^[23], не высадив до конца десант, вдруг начинает двигаться, одновременно разворачиваясь в воздухе. Скорее всего, хвостовой винт. В таких горах – п...ц.

Добре, православцы, добре. Так мы и победить сможем.

Пуля бьет совсем рядом, и я отшатываюсь назад. Снайперы. У американцев хорошие снайперы, может, лучшие в мире.

– Снайперы! Не высовываться!

Достаю телефон, прислонившись к стене. Сейчас со связью все лучше и лучше, блин, группировка «Легенда», которая раньше работала только на целеуказание по американским ударным авианосным группировкам, теперь обеспечивает и спутниковую связь. Телефон «Легенды» размером с кирпич, но можно связаться с Москвой, даже не ставя антенну.

– Москва – центр.

– Это Кабан, три девятки, дайте двести одиннадцатого.

В КГБ, чтобы вы знали, все старшие офицеры имеют цифровые номера, их может быть ровно девятьсот девяносто девять, но обычно бывает что-то около пятисот. Двести одиннадцатый – это Михаил Ефимович. Три девятки – п...ц как срочно.

– Пароль.

– Волгоград... быстрее!

– Соединяю...

...

– Слушаю.

– Это Кабан, пароль Волгоград.

– Слушаю.

– У нас три девятки, прямо на точке.

– Что с мешком?

– Сдох мешок! – ору я. – Эвакуаторам тоже хана! А нас тут янкесы зажали! У них

вертолеты.

– Понял. Попробую что-то сделать. Держись.

– А что – есть другие выходы?

– Держись. Через час наберу.

Этот час еще прожить надо...

Поднимаю глаза – и прямо на моих глазах гибнет Хохол. Был человек – и нет. Вместо головы что-то непонятное, брызжущее кровью.

– Снайперы! Убраться из вида!

Полчаса. Мы пока живы.

Снайперам тоже нужно как-то работать, они не могут стрелять, если нет целей. Мы позволили американцам, или кто там есть, перегруппироваться и подобраться вплотную к нам, но теперь перед ними стоит задача штурма. А это не простая задача, и снайперы в ее решении – плохие помощники...

Автомат под рукой. Трофейный «калаш», к нему три магазина, мы собрали все трофейное оружие и распределили меж собой. Болгарский «АКМ», и три магазина, плюс восемь плюс один в немке. Два трофейных пулемета. Ничего... мы еще поживем.

Нам еще здесь ничего – первый этаж непробиваемый. Проблемнее всего сербам и Бульбе – у них-то там такого укрытия нет...

В ушах удары сердца – медленно отсчитывают время...

Черная коробочка – как-то медленно летит через дверь...

– Вспышка!

Как мы отбились...

У нас тоже такие есть – называются «Заря». Но огни белого цвета, а британские флешы – как они их называют – черные и продолговатые.

Я лежал на лестнице, на самом верху, навалив перед собой два трупа, а что, ничего баррикада... я с Афгана небрезгливый. Кто прошел перевал Стекондав – тот брезгливость навсегда теряет. Первое, что я сделал – лицом вниз, чтобы глаза сберечь, а второе – нажал на спуск и не отпускал, пока все не высадил. Они молодцы – сняли два бронежилета, видимо, с раненых или убитых, и сделали что-то вроде легкого щита – с ним и заходили. Но тот, кто шел со щитом, получил-таки ранение, а второй несколько раз выстрелил вверх, пытаясь подавить огневую точку. Увидел тело, подумал, что все, прошел вперед к самой лестнице. Я – перезарядился, и из-за угла, не высываясь – слил по целям еще один магазин. Убил одного и тяжело ранил другого, штурм захлебнулся. Еще один проскочил в комнату, там двери нет – завеса бамбуковая, но тут его снесли очухавшиеся Бык и Дэн. Благо у Дэна трофейный пулемет был...

Потом наружу еще и гранату выкинули...

Так, в качестве пламенного привета.

– Все целы?!

В ответ – очереди, уже в задней части дома...

Хрен вам, прошел в комнату – примерно по звукам слышно где – и с колена веером из «АК» – пусть горя хапнут. Пол – он пол и есть, но «АКМ» пробивает даже такое. Еще несколько выстрелов, взрыв гранаты – и тишина...

Бросил «АКМ» – патронов все равно нет, с «немкой» спустился вниз, с пол-лестницы

спрыгнул прямо на трупы. А чего – и не шумно. И мягко. Один у самой лестницы, двое у двери, третий – в соседней комнате – вон, ноги видны.

Показал – прикрой. Бык выдвинулся на угол.

За ноги оттащил «трофей» туда, где безопаснее всего. Трофеей – метр девяносто, не меньше, здоровый бык. Мертвый – к гадалке не ходи, в него штук пятнадцать попало.

Современная разгрузка, шлем, торчат магазины «акаэмовские». А вот автомат знакомый... мы такой в Балашихе изучали. И прицел на нем – ЭОТЕК с лупой, наверное, за свои купил.

Поляк, с...а.

После того как ОВД приказал долго жить – разные страны бывшего соцлагеря зажили своей, полной и содержательной жизнью. Венгры и болгары в основном ориентировались на нас. Чехи и ГДР – на ФРГ, но всю торговали с нами, потому что лучше рынка сбыта, чем СССР, для чешских товаров нет. Чешские товары по качеству почти что немецкие, но дешевле, иногда в разы. А вот румыны и поляки, гады, стали подносить хвосты американцам. Мрази конченые.

Этот – поляк, к гадалке не ходи. Во-первых, оружие и вся снаряга польские. Во-вторых, если это не хорваты, то точно поляки. JW GROM, группа оперативно-маневренного реагирования Войска Польского. Восточноевропейский 22SAS, единственные, кто тренируется наравне с НАТО и работает вместе с НАТО. Поляки продались задорого. В восемьдесят девятом у них был долг тридцать миллиардов долларов, его весь списали и дали в долг еще пятьдесят миллиардов. Но все равно – гниды...

Забрал магазины, их пять штук целых оказалось. Автомат, чтобы проверить, я пару раз выстрелил в дверной проем. Работает...

– Э, панове! – заорал я на пределе своих легких. – Ще Польшка не сгнила?!^[24]

В ответ раздался выстрел, пуля не менее чем триста тридцать восьмого калибра пробилла окно в соседней комнате, выломала косяк, пролетела не так и далеко от моей головы

Точно, они. GROM прикрывает миротворческий контингент, работают по ротации. Интересно... американцев вбили, теперь вот – поляков. Что дальше? Англичане пожалуют? Немцы? Интернациональный долг выполнять...

Еще через полчаса позвонил Янкель. Все это время было относительно тихо... это только в фильмах и компьютерных играх враги лезут напролом, не считаясь. В реале, если у тебя выгодная позиция, то и сиди на ней, пока боеприпасов и жратвы хватает, или пока эвакуационная «вертушка» прилетит. А если ты атакуешь, то такой вот облом заставит сильно задуматься насчет дальнейших действий. Жизнь – она одна...

В задних комнатах склеили ласты еще трое. Итого – минус семь. Как минимум десятая часть живой силы противника полегла самым бесславленным образом. Плюс – сколько-то они потеряли в двух вертолетах, сколько-то привалили до этого. В общем, едва ли не уполовинили. Слабоваты пшеки против «Каскада», слабоваты...

Телефон...

– Саша, слушаешь?

Вообще, употреблять имена при обмене не только бестактно, но и нарушает правила секретности обмена. Но раз Михаил Ефимович это делает – значит, припекает конкретно.

– Плюс.

– Мешок транспортабелен?

Мешок на сленге может означать все, что угодно, от заложника до груза. У десантников есть термин «Ваня» – так называют мешок, который сбрасывают перед десантированием, чтобы определить силу и направление ветра.

– Плюс. Относительно.

– Его надо забрать. Вместе со всем что с ним и на нем. Ты понял?

– Плюс.

Забрать-то не проблема. Вопрос – куда...

– Транспорт будет через сорок минут, понял?

– Плюс. Тип транспорта?

– Воздушный. Оpozнание – красный.

– Принял, красный.

– Держись. Удачи.

– Плюс.

Сбросил, показал на пальцах – сорок минут. Бык и Дэн заулыбались – когда за тобой летят, это и кошке приятно...

Сколько в магазине трофейного автомата, я не знаю. Проблему решил радикально. Поднял автомат – и высадил все, что есть, в том направлении, откуда мне послал гостинец польский снайпер, через бамбуковую занавесочку. Сбросил, присоединил новый – «Берилл» это переделанный «АК», а «АК» он и есть «АК». Он тоже пальнул, но опять не попал...

Вертолеты появились. Как и было обещано, через сорок минут...

Два «Ка-27» и один «Ка-29», штурмовой. Короткие, кургузые, со страшной огневой мощностью – они изначально разрабатывались для морской пехоты, и у них для зачистки плацдармов в носу тридцатимиллиметровая пушка. Плюс скороподъемность, плюс нет длинного и уязвимого хвоста, плюс один люк вместо двух, плюс радиус действия в полтора раза больше, чем у «Ми-17». Скорее всего, это спасательная группа с «Варяга», болтающегося сейчас в Средиземном море и присматривающего за американским Шестым флотом. Сам по себе факт, что подключили моряков – тот, кто в теме, знает, как даются межведомственные согласования – говорил о том, что в Москве кому-то припекло конкретно...

«Ка-29», у которого на вооружении были управляемые ракеты, отработал по обозначенным целям. Не знаю, что подумали поляки, но те, кто уцелел, вряд ли высунутся. Зато придется высунуться нам...

Разобрали груз. Кому компьютеры, кому – увы, тела. В новом рюкзаке – рама отдельно, мешок отдельно, и если снять мешок, то в раме можно нести все что угодно – байдарку, вязанку дров, связку «РПГ» или «ПЗРК», пару вьюков «Шмелей», труп. Пришлось грузить сначала Юсефа, забрать которого приказала Москва, затем – тело Хохла. Юсефа, чтобы ничего не потерять, положили в спальник, застегнули, а поверх еще обмотали широким скотчем. На всякий случай...

Вертолеты грохотали где-то вверху. Мы были готовы двигаться...

– Прикрою... – я хлопнул по плечу Дэна, который оставил пулемет и нес на спине своего друга Хохла. Все правильно. Из боя возвращаются все – и не важно, в каком виде. Хоть по частям, но все...

Я поднялся наверх. Бросили дым, весь, какой есть. Я засветился в окне – реакции нет. Если этот снайпер и не свалил до сих пор, то вряд ли будет рисковать. С тремя вертолетами

над головой...

Внизу, через дым протрусили мои. Вертолет прикрытия описывал круги, простреливая пулеметом горные склоны – так, во избежание. Интересно, что будет за американцев? Это только в книжках медали вешают, а в реале за это всю душу вынут. Международные осложнения, тыры-пыры. Проблемы никому не нужны...

Поляки. Спор славян между собою, мать твою. Дорого продались? Не соображаете, что американцы, если им припрет – вас стратят всех до единого. Это мы о союзниках пеклись. А у американцев союзников не было и нет. Надо – они всю Европу под молотки пустят.

– Кабану – Дэн.

– На приеме.

– Мы у метл, дошли...

– Понял. Иду.

Пора и мне, как говорится, честь знать. Не обессудьте...

Открыл настежь окно, обе рамки, начал выбираться, намереваясь спрыгнуть вниз и бежать – и тут в меня попала пуля...

Пришел в себя быстро... почти сразу. Меня тащили... кто-то тащил мой мешок, кто-то – меня, а вертолет висел над башкой и посылал куда-то короткие, рыкающие очереди...

– Цел... цел... цел...

Я попытался понять... вроде нигде не болит особо. Руки – ноги...

Попытался встать, но меня так и дотащили до «вертушки», запихнули внутрь. Места не было ни хрена – «Ка-29» вообще очень тесный вертолет, темнее «Ми-8». Рядом пулеметчик морской пехоты в старом, белом, омовском шлеме^[25], пулемет на турели, рядом. В салоне темно... сидишь вот так и думаешь, сейчас одного гранатометчика пропустить – и гореть нам погребальным костром всем вместе...

Заскочил Моль, замахал руками – пошел, пошел, пошел! Я хотел спросить, всех ли забрали, но не доорался... грохот страшный. Потом вертолет тяжело оторвался от земли и пошел вверх, пулеметчик перекрыл люк турелью, дал длинную очередь вниз.

Неужели ушли...

– Кабан... ты как... – прочел я по губам.

– Норм...

А уже чувствую, что не норм... сердце колотится как сумасшедшее. Потом и вовсе отрубился... помню, как с меня разгрузку сдирали, а дальше – не помню уже ничего...

Пятница...

Для меня обычный день недели, потому что работать в своей жизни – почти и не работал. Служил только. Но для рабочего класса – свобода попугаям намечается...

Очередной осмотр уже здесь, в Первой республиканской на Воткинском шоссе закончился тем, что с меня сняли последние швы. В какой-то степени тоже – свобода попугаям...

Июль...

Жарища – кондиционеры не справляются. Немного напоминает две тысячи пятый – тогда два месяца так плавилась. В Ижевске жара усугубляется еще и духотой. Пруд не справляется, а Кама в тридцати километрах...

Выполз из больницы, пошел к стоянке. Машина моя ждет меня там. Ижевск вообще город, автомобилями обеспеченный, потому что тут работает автозавод, а неподалеку, в Елабуге, еще один, все ездят либо на «реношках»^[26], либо на «Фиатах», но у меня «Тойота». Обычная «Королла», новая почти, с мощным двухлитровым движком, куплена по специальной очереди^[27] за афганские чеки. Я привык к ней еще по Афгану, там это самая популярная машина – так и потратил часть заработанных чеков^[28] на машину. Качественная – Япония все-таки, двести нормально идет – как-то раз на казанской трассе попробовал. А больше мне и не надо...

Первая Республиканская находится на Воткинском шоссе, до завода есть два пути, один – через загруженный центр, второй – окольными путями, через 10 лет Октября. Выбираю второй маршрут – там тем более трассу новую положили, вместе с застройкой. Пролетаю овраг, выхожу к парку Кирова – дальше надо вниз и на набережную. Тут в последнее время тоже идет застройка, многие хотят сюда – фишка в том, что сюда трамвай продлили, причем скоростной, а новостройки за парком Кирова – они как бы в лесу стоят, а серии современные. Но когда я интересовался, квартир не было, а когда появились, я уже в Соцгороде присмотрел. Не срослось...

Двигаю плечом – не больно вроде...

А прилетело мне мощно...

Мало кто может похвастаться, что остался жив после того, как ему прилетело из триста тридцать восьмой винтовки. Конечно, бывает всякое, я знаю человека, который остался жив, словив пулю ДШК – на излете была. Но все равно повезло мне конкретно. Пуля прилетела сбоку, пробила притороченную к рюкзаку лопатку, разлетелась, один осколок попал в бок, второй расколол керамическую плиту, пробил слой балткани^[29] и вошел в тело, едва не дойдя до позвоночника. Добавили американцы – они обрушились на вертолеты при возвращении на авианосец, пытаясь сбить их потоками воздуха, они такое любят делать. Потом появились наши самолеты, и американцы отвалили, но помотало изрядно, и осколок еще двинулся. Короче, если бы не авианосец с полностью оборудованной хирургией – сейчас бы мне коляску пришлось присматривать. В Афгане точно бы не пронесло, там нормальных врачей нет. А тут – уже через час я был на операционном столе, и флотским врачам удалось-таки вытащить этот фрагмент пули.

У нас погибло трое и у сербов трое. Если брать совокупные потери американцев и поляков, то у них до сорока только «двухсотых», половина десанта погибла. Вертолеты

сбили, у дома мы их конкретно порвали, потом еще и эвакуаторы с вертолетов угостили из пулеметов и управляемыми ракетами. Но это ни разу – не результат. Потому что Юсефа живым мы вытащить не смогли, эвакуаторы тоже погибли, и что там хотел нам рассказать Юсеф – так и осталось загадкой...

Проезжаю перекресток – и вниз, резкий спуск на набережную. Отсюда виден весь пруд... виден памятник, известный в народе как «лыжи Кулаковой» – красиво... блики на воде. Ижевск – ровесник Ленинграда, тогда Санкт-Петербурга, и первый генеральный план Ижевска рисовал тот же архитектор, что делал город Ленина. Что-то такое осталось в Ижевске и сейчас...

До обеда отстреливали винтовку 9,0 калибра. Полуавтоматика, усиленная ствольная коробка, механизм Драгунова, два варианта – триста тридцать восьмой на экспорт и наш девять на семьдесят два. Устанавливается на пулеметный станок ПКМ, задумка – оружие, достаточно легкое, чтобы его брать с собой в горы, причем достаточно дальнобойное, точное и скорострельное, чтобы забить пулеметное гнездо с ДШК. Типичная афганская задача – ДШК в каменном укреплении и мимо него не пройти. Как забить? Раньше брали в горы «Утес», потом перешли на винтовки 12,7, но этот калибр позволяет решать такую задачу не хуже. При выигрыше в весе – почти вдвое. А в горах – каждый грамм на счету.

Потом взялся занести кипу документов с «сотой» площадки в заводоуправление. С этого-то все и началось...

Пятница, жара. Начальство уже все отчалило – жара. И тут я – весь из себя такой загадочный и с кипой документов...

Как идиот.

Но на идиотов сегодня был спрос...

Короче, Маша ее звали.

Отдел делопроизводства – они как раз что-то праздновали. Сначала останьтесь на чай, потом – торт. Ну, я остался – чего бы не остаться. Потом заметил эти глаза напротив...

Которые были не против...

Слово за слово – и вот уже «Метелица»^[30], Алла Пугачева и ВИА какие-то...

Если честно, никогда не считал себя особо привлекательным для противоположного пола. И никогда не предпринимал особых усилий для очарования кого-то.

В танце меня вела моя партнерша, а я как-то неуклюже топтался... хреновый из меня танцор, что есть, то есть. Потом сели, заказали. Я честно не знал, что делать... как-то не к делу оно все...

– Маш...

Она серьезно глянула на меня своими серыми глазами.

– Тебе оно надо?

...

– Я же полуинвалид. Потенциальный клиент психбольницы.

Она отпила из своего бокала и заключила:

– Дурак ты...

Ночь...

Город не спит. Трасса – жидкое марево огней. Дневная жара спала. Уютный свет в

машине, и женщина рядом. Тонкий запах духов.

Не знаю, к чему это, но вряд ли к чему-то хорошему. По опыту сужу. Не умею я любить. Боль причинять умею...

Можно оставить машину в соседнем дворе, но даму надо доставлять прямо к двери. Потому – по фигу на то, что мест для стоянки нет, а утром будет скандал с соседями. По фигу на все...

Стоп!!!

Стоп.

Стоп...

Фургон. Большой, с высокой крышей. Тусклый свет сигареты – водительское место. Это кто это – сидит и чего ждет – в проезде рядом с моим двором в одиннадцать часов ночи?

– Маш...

...

– Пристегнись.

– Саша, я...

– Пристегнись!

Не дожидаясь, пока дама отреагирует – пристегнул ее сам. Открыл бардачок и достал «Осу»^[31]. Я ее немного модифицировал – кладет насмерть.

Я вас умоляю...

Рывок вперед, и аккуратно притираю машину, блокируя водительскую дверь фургона. Сам вываливаюсь через капот, секунда, вторая – и уже у пассажирской двери. Дверь на себя, пистолет в левой.

– Замри!

Я – птица стреляная, поэтому сразу просек – дух. На блоках – а мы и на блоках в Афгане работали, под прикрытием – учишься чувствовать запах страха. Ставка в этой страшной игре – жизнь. Прощелкал е...м – и афганцы тебе на пост смертника с поясом подослали... так погиб Денис Харьковский... лучший друг из всех, какие у меня были. И этот... боялся... сильно боялся.

– Русский знаешь?

Он кивнул

– Я задал вопрос.

– Да.

По акценту – среднеазиат.

– В доме – сколько?

Наверное, он бы ответил, потому что советский человек это не афганский фанатик, ему есть что терять. Советский человек – и рыбку хочет съесть, и... но тут в проулок заехала машина, высветила нас дальним светом – и этот выругался на своем языке, рука дернулась. Делать было нечего – я выстрелил. «Оса» грохнула, душок свалился на руль. С двух метров в голову – гарантированный труп, можно не проверять...

Мужик свернул, даже не заметив. Тем лучше...

Подсвечивая фонариком в телефоне, я посмотрел кузов... в нем чисто, но на полу какие-то мешки... видать, подстелили, чтобы ехать мягче было. Посветил на руку, отодвинув ткань – так и есть, «ТТ». Еще сколько-то, видимо, в доме. Забрал пистолет, сунул за пояс, мало ли. Набрал на телефоне номер...

– Дежурный капитан Авдеев.

– Подполковник Васнецов.

– Пароль.

– Быстрое течение.

– Принято, слушаю вас, товарищ подполковник.

– В адресе... – я продиктовал свой домашний адрес, – несколько бандитов, скорее всего, вооружены, могут иметь гранаты.

– Принял, высылаю дежурную группу...

– До связи.

Где пристроиться самому? Когда я покупал квартиру, уже примерно прикидывал. Равноценны два варианта – за мусорной площадкой и за углом. Но за углом – сектор намного хуже. От мусорной площадки и до моего подъезда – сорок метров. Для «ГТ» – не расстояние.

И тут я понял, что со мной дама...

Подошел к машине... а молодец. Не кричит, не истерит, не бросается. Руку закусила и смотрит на меня...

Нехорошее сватовство получилось.

– Маша...

...

– Маша...

– Д-дда...

– Это бандиты. Сейчас милиция приедет. Поняла?

Кивнула.

– Умница. Посиди пока в машине. Из машины – ни шагу. Посиди в машине...

...

– Поняла?

– П-п-поняла.

– Умница. Я быстро...

Перебежал к мусорке... там ограждение высокое, человека с головой скрывает. Прицелился... только бы гражданских не было. Мирняк, трудящиеся... Или ситуация с захватом заложника, или похороны отца семейства, а то, не дай бог, матери или ребенка, словившего пулю...

Не приведи бог...

Ровно через десять минут в проулок свернул бронированный «КамАЗ», поняв, что тут не развернуться, водитель остановился, горохом посыпались бойцы. Сразу несколько автоматов уставились на меня, я бросил пистолет – антитеррористы на оружие натасканы как собаки, с этим лучше не шутить.

– Быстрое течение! Быстрое течение!

– Отставить! Я его опознал.

В принципе вполне возможно, я после Афгана заодно всем местным спецназам опыт передавал. Должны помнить...

...

– Где, товарищ подполковник?

– В моей квартире. Второй подъезд.

...

– Броник найдется? Я покажу...

– Дверь – направо и наружу. Там еще одна, открыта постоянно. Справа небольшая комната, там хлам всякий. Слева лестница узкая, вдвоем не пройти. Вперед и налево – лифт. Грузового типа на шестьсот килограммов. Восьмой этаж – от лестницы налево и еще раз налево...

Рослый спецназовец из «Росомахи», антитеррористического спецназа УИН, хлопнул меня по плечу:

– Все слышали? Заходим!

Только бы не нарваться...

Моим ключом открыли входную дверь, зашли. Я был в хвосте штурмовой колонны, постороннему человеку лезть в голову – последнее дело.

– Справа чисто!

– Слева чисто!

Начал открываться лифт – какая-то женщина и понять не успела, что к чему – как ее «приняли»...

– В лифте чисто!

– Держать лифт. Трое на месте, остальные наверх...

Наверх идем вдесятером. «Росомаха» – это всего двенадцать бойцов, но и этого хватает. Для штурма квартиры – без вопросов.

Проходим этаж за этажом. Почему не на лифте? Потому что неохота получить очередь в пузо при открытии двери – а такое бывает. Идем быстро.

Между седьмым и восьмым что-то мелькнуло, грохнулось...

– Граната! – заорал кто-то.

Взорвалась граната, и тут же пошла автоматная стрельба. Я отступил, укрылся у мусоропровода.

Сверху послышался визг, не крик, а именно визг.

– Пропустить! Я ее взорву! Себя взорву! Аллах Акбар!

Приехали...

Сверху спустили двоих раненых. Правила оказания первой медицинской помощи вбиты еще с Афгана: сначала перетянуть жгутами и турникетами видимые раны, затем – проверить всего бойца от и до на предмет кровотечений. Антитеррористы хорошо экипированы, но взрыв гранаты без последствий не проходит...

Зажав в зубах позаимствованный у одного из бойцов фонарь, занимаюсь ранеными на площадке шестого. Противошоковое, основное поражение – по ногам. Хорошо, что турникеты есть, причем не по одному. Перетягиваю обе ноги – врач разберется там, тут не переборщишь. Свечу в лицо...

– Норм?!

– Норм...

– Держись, рэкс, держись...

У второго – все куда хуже. Рука, бедро. Кисть на соплях болтается. Крови...

Пока тяну турникет – вверху грохают два выстрела, и тут же еще один. Пошло движение, слышу... еще очередь. Тишина.

Все?

Наверх с шумом и топотом поднимаются люди, в лицо мне светит фонарь. Кавалерия прибыла... похоже, ОМОН.

– Здесь «трехсотые», двое. Один тяжелый.

– Фельдшера!

Наверху, на площадке – разгром. Конкретный. Один лежит навзничь, бородой в потолок смотрит, лица почти нет. Тут же рядом колют противошоковое соседке... наверное. Постучали в дверь и взяли в заложники первую попавшуюся. Сапер водит своего спаниеля, ищет взрывные устройства.

– Двое их было?

– Двое...

Третьего грохнули на самой площадке. Молодой, в какой-то ветровке.

Откуда они?

Не протолкнуться...

– Дверь закрыл! Закрыл, тебе сказал!

С гражданами лучше пожестче... любопытные у нас граждане.

– Поквартирный...

– Пусть участковый дробится...

– В квартиру можно? – спрашиваю.

– Можно.

Захожу. Замок целый – не сломали, а вскрыли. Трудно предполагать иное, правда. Иду по своей квартире... ага... ничего не тронули. Интересно, где они ждали. В большой? Или на кухне? И чего хотели? Мочкануть вряд ли – мочкануть и в подъезде могли...

В голове одно только слово – «враги». Враги в моем доме...

В Ижевске МВД и КГБ находятся фактически в одном здании, построенные в разное время, они тем не менее составляют единый комплекс, занимая вместе со стадионом «Динамо» целый квартал. В МВД оно занимает более новую, восьмидесятых годов постройки высотку – меня промурыжили недолго. Пришли коллеги и перевели меня в здание КГБ. Впервые шел по динамовскому полю под контролем автоматчиков...

Генерала они, конечно, поднимать не стали, а на вопросы я отвечать отказался. Так и сидел в кабинете до утра, играл со следователем в гляделки – указаний насчет меня не было, а самостоятельно колоть он не осмеливался. В девятом часу открылась дверь, и в кабинет вошел Михаил Ефимович. Следователь поднялся, молча отдал честь и вышел.

– Что тут у нас...

...

– Кофе. Кофе будешь?

– Не откажусь...

Долгая и полная опасностей жизнь научила меня не доверять никому. Практически любая советская колония за рубежом, любой советнический коллектив – это змеиный клубок со своими интересами. Люди иногда за месяц получают больше, чем за год – как тут не быть змеиному клубку. Я не говорю про такие страны, как Афганистан или Ливия – со своими племенными, клановыми, партийными распрями и склоками. От врагов можно получить пулю, от своих – статус невыездного, и все к этому полагающееся. Избежать всего этого можно, только будучи очень и очень осторожным. Не верь, не бойся, не проси, думай, что говоришь, не доверяй никому и так далее. Не доверял я и Михаилу Ефимовичу – тем более в таких подозрительных обстоятельствах. Надо еще разобраться, что это за гаврики меня в подъезде поджидали...

Кофе заваривался по-советски, то есть кипятивником. Но кофе есть кофе...

– Напугал ты нас. В Москве ЧП на контроле у Председателя.

...

– Не знаешь, откуда гости?

Я пожал плечами.

– Бандиты.

– Да нет, не бандиты. И вооружение у них не бандитское. Два «АКМС», один пистолет «ГТ». Совсем не бандитское...

– Я их даже не видел.

– Да понятное дело...

Янкель начал разливать кипяток по чашкам.

– Саш, вопрос – зачем они приходили? Танцуем от этого.

– Понятия не имею.

– Точно не имеешь?

...

– Саш, я в Афгане тоже советничал, было дело. И что такое шурави-контроль ^[32] знаю. Если вы что-то взяли...

– Михаил Ефимович, а где именно взяли?

– А что – есть разница?

– Просто интересно.

– Интерес никогда не бывает простым, Саша.

– Хорошо, тогда так. Допустим, мы действительно что-то взяли. Допустим.

Михаил Ефимович внимательно слушал. От обычного офицерского дубья он отличался тем, что умел думать и заставлял думать других. И конечно, высказывать свои мысли. В Советской армии всегда было так, что инициатива имела своего инициатора. Но Михаил Ефимович всегда поощрял даже некое вольнодумство.

...

– Допустим, теперь это у нас. Сколько мы взяли... ну, не важно сколько. А теперь скажите – что же мы такое могли взять, что это оправдывало бы организацию нападения на меня в СССР. Вы представляете уровень операции.

– Отчего не представлять, – Михаил Ефимович потер подбородок.

– Что такое можно взять? Деньги? Золото? Героин? Все можно восстановить.

– А почему «взял»?

– В смысле?

– Ну, почему вы должны были что-то взять? Вам могли мстить?

– И это тоже.

– Так почему «взяли»?

Я пожал плечами.

– Михаил Ефимович, вы не хуже меня знаете традиции. Военным никогда не мстят, потому что армия это армия. Если нужно отомстить армии – вырежут блокпост или сожгут колонну наливников. Никто не будет разыскивать меня, как военного, чтобы отрезать голову...

– Кстати, про отрезанные головы... – Михаил Ефимович бросил на стол пачку фотографий небольшого формата, – на, посмотри...

Я осторожно, словно вывинчивая взрыватель, подвинул к себе пачку фотографий. На первой было голое, безголовое тело на каталке морга.

– Узнаешь?

– Балу...

С...и.

– Верно.

– Как это произошло?

– Никто не знает. Все, что удалось установить, они отдыхали компанией, но ушел он с женщиной. Женщину ни до, ни после этого никто не видел. На следующий день труп нашли на левом берегу Дона.

– Левбердон...

– Бывал?

Бывал ли я... бывал.

Балу тогда только что сменил машину. В нем была толика армянской крови – там, около Ростова и в самом Ростове армян было достаточно, они оседали здесь, спасаясь от турецких погромов. Он купил «восьмерку»-кабриолет, «Наташу», и мы ехали на ней, по мосту, по огромному мосту через Дон, на левый берег. Где нас ждали пиво, раки, рыбки и приветливые, сговорчивые девчонки-южанки...

Я запомнил одну фразу, которую сказал Балу: живем один раз.

Один раз...

А теперь ему кто-то отрезал голову.

Я смотрел фотографии.

– Его пытали?

– Да.

– Как?

– Не похоже на афганцев. Хотя пытали ножом. Скорее, это уголовники.

Не похоже на афганцев... Афганцы почти никогда не колют, они режут. Это нация скотоводов и пастухов, их ножи вообще не приспособлены для колющих ударов. Зато они прекрасно умеют снимать шкуру с овец – во время войны это трансформировалось в «красный тюльпан». Не хочу говорить об этом.

– Зацепки есть?

– Милиция работает. Мы пустили версию о маньяке. Но теперь мы почти уверены, что это не так.

– Один из нападавших должен был остаться в живых.

– С этим потом. Сначала я хотел поговорить с тобой.

– Мне нечего сказать, Михаил Ефимович.

Янкель и я пристально смотрели друг на друга и молчали. Тишину прервал звонок Алтая^[33]...

...

– Что?

– Нападавший, который выжил, выбросился из окна больницы, – Янкель встал, – поехали...

Черный «Пежо» со спецсигналами мчался по утреннему городу, распугивая автобусы и грузовики. До больницы было всего ничего – Удмуртская переходит в Воткинское шоссе, сама Удмуртская настолько широка, что это, по сути, тоже шоссе, проходящее через полгорода к новому Комсомольскому городку^[34]. Долетим с ветерком. Вопрос – как они вышли на Балю. И как – на меня...

Балю был на четверть армянин, кровь горячая, большой любитель женщин. Но он никогда не пошел бы с женщиной, если бы почувствовал неладное. Он не раз видел, как это происходило в Афгане – только отошли в дуكان, пошли в самоход – кишки наружу. Нет, он даже пьяный не потерял бы бдительности.

Могли эту бабу втемную ему подвести? Да запросто. Б... – она и есть б... Вопрос в том – кому доверилась эта тварь... ведь путаны осторожны, проблем иметь не хотят.

И что теперь делать мне...

На повороте стоял регулировщик. Увидев машину со спецсигналом и блатными номерами, он махнул «волшебной» полосатой палкой, останавливая движение...

Когда мы подъехали, труп как раз снимали с козырька высоченной девятиэтажки главного корпуса республиканской больницы.

Милиционеры курили, топтались у машин, звонили по сотовым. Трое, подогнав к козырьку грузовик, снимали оттуда труп на носилках. Сексапильная следовательша из прокуратуры диктовала протокол осмотра места происшествия на диктофон.

Машины КГБ стояли чуть поодаль, там же была «Черная маруся» – теперь это обычный белый «Базик»^[35] с высокой крышей. Там свой, отдельный следователь следчасти КГБ

снял показания со спецназовцев. Увидев Янкеля, все подобралось, кто-то козырнул.

– Как это произошло? – сухо спросил Янкель, прерывая допрос.

– Товарищ генерал, при перевозке в операционную задержанному стало плохо. Я как старший конвоя побежал за врачом, Хуснутдинов остался. Задержанный применил прием рукопашного боя, попытался скрыться, когда понял, что это не удастся – выбросился из окна.

– Хуснутдинов – вы?

– Так точно.

Мда-а-а.

– И как тебя, такого лося, раненый победил? А?

– Разрешите...

– Говори, говори. Только честно. А то я в органы перестаю верить.

– Я... мы как раз каталку катили... она в дверь не проходила... потом... я и сам не понимаю, товарищ генерал. Я ведь карате занимаюсь. Но такого... такого не видел.

– Такого – это какого?

– Чтобы через голову... да еще удар при этом наносить.

...

– Ниндзя какой-то... товарищ генерал.

– Полковник, полковник.

– Ты меньше видик смотри, боец... – начал «качать» я, – на медсестру засмотрелся?

– Никак нет. Он и в самом деле... через голову.

– А потом – в окно, – уточнил Янкель.

– Так точно, – покаянно сказал спецназовец, – в окно...

– Анекдот есть такой, – сказал Янкель, смотря на то, как труп везут на каталке в расположенный здесь же больничный морг, – где лучше всего делать гимнастические упражнения? Ответ: на балконе.

Анекдот был не слишком смешным.

– Еще раз спрашиваю, вы ничего не брали? В Сараево или раньше.

– Никак нет. Ничего.

– Кроме денег. Понятно, что это не из-за денег.

– Ничего не брали. Честное партийное.

Янкель поморщился.

– Ты сначала зачет сдай. По демократическому социализму. Потом и партией клянись. И скажи мне – зачем запрошено пять делегаций?

– То есть пять делегаций? Не понял?

Янкель протянул руку и сорвал лист... как оказалось, на нем сидела божья коровка...

– Пять делегаций. Запрошено либо в Ижевск, либо с посещением Ижевска. Три делегации американские. Две научные, по обмену студентами и преподавательским составом. Одна – сельскохозяйственная. Одна – канадская, промышленная. Одна – эфэргэшная, тоже промышленная. Как ты думаешь, к чему такое иностранное паломничество в скромный город Ижевск? Кстати, который с ограниченным доступом?

– Это информация, – переварив новость, сказал я, – это может быть только информация.

– Какая информация? Не знаю. Какая-то, какая может быть кому-то очень нужна.

– Я тоже так думаю, – Михаил Ефимович подул на лист, и божья коровка взлетела, – поехали.

– Куда?

– Прокатимся. У вас тут на пруду хорошо... тихо.

Ижевский пруд был заложен почти одновременно с городом, он был нужен для того, чтобы приводить в действие водяные колеса первого заложенного здесь завода. Сейчас пруд больше предназначен для отдыха и снабжения водой быстро растущего города. Основная стоянка теплоходов находится на заводской набережной, чуть в стороне от главного корпуса Ижевского завода, дальше теплоход делает две остановки: рядом с яхт-клубом и гостиницей «Дерябин», напротив «лыж Кулаковой» и чуть дальше, на выдающемся далеко в воду пирсе, за корпусами электромеханического завода, который заодно прикрывает от волн ижевский пляж. Дальше теплоход идет на Воложку, излюбленное место летнего отдыха горожан, делая по пути только одну остановку. Сразу после пирса он проходит под огромным мостом, который почти достроили для замыкания «ижевского кольца» через пруд, потратив деньги и заодно разрезав пополам парк Кирова. Теперь пирс превратился почти что в автомобильную стоянку, хуже стало отдыхать и на пляже...

Оставив «Пежо» с водителем на стоянке, мы купили билеты и вышли на пирс, ждать теплоход. Михаил Ефимович достал и нахлобучил на голову панаму, приобретя вид обычного дачника-пенсионера. Вообще, искусству перевоплощения у Янкеля можно только поучиться...

– Неплохо тут у вас, – кивнул он, показывая на мост.

– Стройка идет. А так – тихая заводь.

– Заводь заводью... иногда это не так плохо.

– Неплохо, – согласился я. – А зачем вы меня сдали?

– Как догадался? – спросил Янкель.

– Очень просто. Пять делегаций на один Ижевск. Информацией может владеть любой из бойцов группы. Если это информация, а не что-то еще. Но почему-то в Ижевск отправляют пять делегаций разом. Можно предположить, что в другие города никто по пять делегаций отправлять не будет. Концентрация идет только на Ижевске. Значит, кто-то намекнул тем же американцам, где искать. И что-то мне подсказывает, что это были вы.

...

Янкель достал платок и вытер лицо. Посмотрел на часы...

– Наши источники в ЦРУ сообщили, что, по мнению американцев и их коллег по НАТО, Юсеф обладал информацией стратегической важности. Они все равно будут пытаться ее найти. Любой ценой, и столько, сколько потребуется. Мы не можем организовать плотное контрразведывательное прикрытие всех городов, где живут бойцы твоей группы. Остается только одно...

– Использовать Ижевск как ловушку.

– Да. Ижевск небольшой, не туристический город, он сам по себе насыщен оборонными предприятиями, и здесь плотный контрразведывательный режим. Иностранцев тут немного, любые их действия будут заметны.

– Но перед этим вы использовали Ростов, верно?

– Да, верно.

– Балу знал?

– Да... – Янкель не стал скрывать, – он согласился добровольно. Но как оказалось, с Ростовом мы просчитались и обеспечить прикрытие не смогли.

– Не смогли, – согласился Янкель, – хотя на прикрытии была краснодарская «Альфа». Но мы извлекли уроки.

Злости нет. Это правила игры. Мы – расходный материал, и так было всегда. Изначально спецназ создавался для самоубийственных миссий – охоты на «Першинги», подвижные носители ядерного оружия в тылу НАТО. Жизнь нескольких человек – мизерная величина по сравнению с несколькими десятками или даже сотнями тысяч, которые выживут, если сорвется запуск. Все в спецназе знали, на что идут. Сейчас все немного по-другому, задачи другие, но настрой тот же, и он закладывается еще в учебке. Балу знал. И я знаю.

– Меня тоже будет прикрывать «Альфа»?

– Лучше, если ты об этом знать не будешь. Напишешь рапорт, получишь оружие на постоянку. Одним из выводов аналитиков по Ростову было то, что Балу, возможно, расслабился, зная о прикрытии.

– А если я свое прикрытие пристрелю?

– Если ты их обнаружишь, значит, они нам не нужны.

Может, и не обнаружу. Особенностью спецназа КГБ, известного как группа «А» или «Альфа», было то, что он создавался в седьмом управлении КГБ, то есть на базе службы наружного наблюдения. Это, видимо, единственный спецназ в мире, созданный на основе службы наружного наблюдения. Но это давало «Альфе» уникальные навыки по работе в городских условиях под прикрытием.

– В чем будет заключаться моя задача? Подставиться?

– Если будет нужно. Мы полагаем, что с Балу что-то пошло не так, и убийство – это эксцесс, а не первоначальный план. Мы полагаем, что они попытаются тебя завербовать. Если это так – иди на вербовку.

Я промолчал. Получается, моя карьера в спецназе закончена. Никто, известный иностранным спецслужбам, в спецназе служить не может.

– А если попробуют убить?

– Попытайся взять живыми. Но, в общем, действуй по обстановке. Второй Ростов нам не нужен.

Интересно, попало кому-нибудь за Ростов или нет?

– Если операция пройдет успешно, то у тебя один выбор из двух. Если нам удастся задурить им голову, то ты переводишься в Москву, в десятое управление Генштаба. Будешь давать дезу^[36] столько, сколько получится водить их за нос. Если игра не удастся – остаешься здесь, через пару лет будешь начальником первого отдела «Ижмаша». Должности и там, и там полковничьи...

Я смотрел на приближающийся теплоход и ничего не отвечал...

Подошел теплоход, ошвартовался, кинули сходни, и мы зашли на борт, прокомпостировав билеты. Янкель сразу направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Куда мы идем?

– Наверх. Увидишь, зачем...

Наверху народу было немного, потому что середина дня, народу много бывает либо утром, либо вечером. На самой корме сидела женщина в белой мужской рубашке и синих джинсах, выгодно показывающих ее длинные ноги. Она кормила чаек, отщипывая от батона маленькие кусочки и бросая в воздух. Чайки подхватывали на лету.

Я остановился.

– Вот, спасибо...

Михаил Ефимович посмотрел на меня поверх очков.

– Если хочешь знать, Саша, эта девочка – дочь моего друга. Который погиб. И она в девятнадцать лет работала у главного противника, потому что так было надо. Так что хватит кобениться и пощи...

Кобениться. Хорошее слово. Новое в лексиконе моего куратора, полковника госбезопасности Михаила Ефимовича Янкеля...

– Установленные разведчики среди запрошенных есть? – спросила Маша.

Михаил Ефимович покачал головой.

А я все пытался понять, когда девушка по имени Маша появилась в отделе делопроизводства «Ижмаша». Давно – или недавно? Судя по тому, что ее все воспринимали как свою на той вечеринке – довольно давно. Хотя, наверное, если она в девятнадцать лет работала у главного противника, то умеет входить в доверие. Мне же она вошла настолько, что, если бы не бандиты у меня в квартире, мы бы с ней сейчас в одной постели лежали.

Интересно, а она о бандитах знала? Может, у нее автомат в сумочке был? Да нет, вряд ли...

Теплоход швартовался у пристани на Воложке. Постепенно мы остались одни на верхней палубе.

– Ну... – Михаил Ефимович потер руки, давайте... Маш, вручаю самого лучшего нашего силовика в твои надежные руки. Саша, не обижай девушку. А мне – пора обратно.

– Что это значит? – спросил я.

– Оставайтесь тут... отдохните... вон, санаторий обкомовский стоит. А мне – в Москву пора... дела наши тяжкие.

– Туда нас не пустят.

– Я заказала номер... – сказала Маша.

Номер и в самом деле был заказан. С двухспальной кроватью. Но это не проблема, в пустыне Регистан мы спали в песке, просто подложив что-нибудь, чтобы не замерзнуть. Ночью в пустыне бывает очень холодно...

Вечером мы сходили в кафе на берегу, а потом вернулись. Держали «пионерскую» дистанцию, к моему удивлению, Маша даже не пыталась меня соблазнить. Просто вела себя как обычная подруга.

В номере Маша ушла в ванную, а я вышел на широкую лоджию, чтобы не было лишних вопросов. Женщины не любят, когда им отказывают прямо, потому лучше намеками. Вообще, женщин понять сложно, проще даже не пытаться. Просто жить как живешь...

Маша намек не поняла. Скрипнула дверь на балкон.

– Злишься?

– За что? – спросил я, не оборачиваясь. Было уже совсем темно, и луна вычертила на глади пруда серебряную дорожку.

– Мужчины обычно злятся. Чувствуют себя использованными.

– Ты меня не использовала. Просто не успела.

Она встала рядом... она была едва ли не выше меня.

– В баскетбол не пробовала играть?

– Пробовала. В волейбол. У нас в колледже была команда.

– В колледже?

– Да, там. В США.

– Принято говорить «главный противник».

Она ничего не ответила.

– Слушай... – сказал я, – я в этих делах неопытный балбес... скажи, ты знала, что там бандиты в доме.

– Нет.

– А что было бы, если бы я не заметил?

– Не знаю.

– То есть если бы там не было бандитов, ты бы меня со спокойной совестью поимела, так?

...

– Хочешь, расскажу про моего отца?

– Зачем?

– Затем, что это нужно. Мой отец был нелегалом в Вашингтоне. У меня в настоящем свидетельстве о рождении знаешь, что должно стоять?

– Вашингтон?

– Да. Мемориальный госпиталь, я появилась на свет именно там. Мой отец и моя мама были разведчиками. Советскими разведчиками. А я была американской девочкой, я родилась и выросла в Джорджтауне, ходила в американскую школу. Мой родной язык – английский, русский я выучила уже здесь.

– У тебя неплохо получается.

– Что?

– Говорить по-русски.

– Спасибо. Папа был не просто агентом. Он был нашей связью с самым важным агентом за всю историю КГБ. С Олдрижем Эймсом^[37]. Папа сказал мне, кто он такой, когда мне было шестнадцать. Потом я не раз оставляла и забирала закладки... агенты ФБР не могли поверить, что это делала школьница. Когда американцы раскрыли Эймса – его надо было эвакуировать. Была разработана специальная операция. Но что-то пошло не так... за нами следили и в любой момент могли арестовать. Тогда папа высадил нас с мамой, а сам врезался в бензовоз, устроив пожар и завал на шоссе. Так нам удалось скрыться.

– Круто. Не то что спать с мужиками по приказу.

– Ты не такой негодяй, каким хочешь казаться.

– Маша, ты даже и близко не представляешь, какой я на самом деле.

– Так или иначе – нам предстоит работать вместе. Ты без меня не обойдешься, я читаю американцев как раскрытую книгу, потому что выросла там.

– Жизнь научила меня: жди сюрпризов.

– Я к ним готова. И да... я думала, у тебя не такая низкая самооценка.

– В смысле?

– Ты думаешь, что женщина будет спать с тобой только по приказу?

В понедельник я первым делом получил личное оружие.

Себе я взял привычную для спецназа «Гюрзу». Страшное оружие, созданное для превосходства над абсолютно всеми имеющимися моделями пистолетов мира, оно стреляет особо мощными, девятимиллиметровыми боеприпасами, по пробивной способности оно превосходит «ТТ», по останавливающей – армейский «Грач». Для Маши я взял обычный «ПМ» и еще два «ПСМ» – на случай, если потребуется скрытое ношение.

С Машей мы теперь были если и не семьей в полноценном смысле слова, то чем-то вроде этого: после ночи, проведенной на Воложке, она вернулась уже в мою квартиру. Даже без зубной щетки – придется покупать. Вечером воскресенья я выслушал много нового о том, как у меня неуютно и грязно, после чего сказал, что, в общем-то, уборка квартиры дело не мужское, а женское. Тем самым я обеспечил себе первую семейную сцену. А утром – отсутствие приготовленного завтрака и кофе. Это заставило меня задуматься – что во мне не так? Почему мне вечно выпадает что-то плохое, как тому медведю из пословицы про вершки и корешки. Почему теперь я вынужден выслушивать семейные скандалы и терпеть присутствие другого человека в доме при отсутствии положительных сторон брака, таких как утренний завтрак, выглаженная рубашка и регулярный секс? А?

Ответа на этот вопрос не было.

Передавая Маше оружие на стоянке перед динамовским комплексом, я спросил, умеет ли она обращаться с «ПМ», на что получил весьма самоуверенный ответ. И предложил пройти в тир и подкрепить слова делом – даже если это будет означать опоздание на работу...

Как я и ожидал, слова с делом разошлись...

– Не так. Давай...

Я встал сзади.

– Руки вытяни... давай.

...

– Немного вперед наклонись.

...

– Да не так. Еще.

...

– Давай. Жми на спуск, плавно. Не торопись, пистолет гулять не должен.

Семерка. Не так плохо, как могло быть.

– Еще раз.

Пятерка.

– Положи пистолет. И смотри...

Здесь я немного мошенничал. У «ПМ» – отдача резкая и неприятная на самом деле, у «Гюрзы», несмотря на намного более мощный боеприпас, она мягче. Но с любым пистолетом надо уметь обращаться. Главный секрет при стрельбе из пистолета вот какой – смотрите на мушку. Большинство людей при стрельбе смотрят на цель, а надо – на мушку. Цель при правильной фокусировке зрения представляется мутным пятном впереди. Но если ты правильно прицелился – значит, ты попадешь.

Восемнадцать тренировочных, без стального сердечника пуль ушли в цель, я выбросил

магазин и тут же вставил новый. Получилось неплохо, хотя и с двумя неприятными отрывками от основной кучи. Тоже надо тренироваться.

– Нормально?

Маша фыркнула. Женщина никогда не признает, что не права.

– Не фыркай. Оружие – то, что отделяет тебя от смерти. Подчас неприятной. Каждый день после работы час будем проводить здесь.

...

– Пошли. Где тебя высадить?

– У пожарки.

– А что так?

– Я увольняюсь.

– Не выдержала душа поэта.

Новое фыркание.

– Не считай, что ты центр вселенной. Я устраиваюсь в центр университетского обмена.

Надо встретить делегации.

– Хорошее дело, – сказал я, – со студентками при случае познакомишь?

– Ну, как?

Хитрые глаза моего соседа по рабочему месту, Васи Широбокова, смотрели на меня.

– Что – как?

– Тебя на Воложке видели, так что не отпирайся. Надо было на карьеры ехать, если хотел сохранить инкогнито.

– Вась, знаешь, что было написано на воротах Освенцима?

???

– Арбайт махт фрай. Труд делает свободным. Так что давай. Арбайтен, арбайтен.

– Шуточки у тебя...

– В ресторан меня поведешь? – спросила Маша, когда я забрал ее после работы.

– Да не вопрос.

Я показал поворотником, что собираюсь развернуться. В ресторан, так в ресторан...

Рестораном оказалось кафе «Ошмес» в самом центре города, на Ленина. Увидев его, Маша чувствительно пихнула меня в бок... не ожидал, что она такая сильная.

– Это ресторан?

– Для рабочего класса. Такой, какой заслужила.

Вообще-то рестораны в городе были по меркам провинции и даже по меркам Москвы неплохие. Лучшие – это, конечно, кооперативные. У «Люся» – на выезде из города, седьмой километр Якшур-бодьинского тракта, там такой лось деревянный стоит, и Позимь – сеть кооперативных кафе^[38], которым уже более двадцати лет. Но «Ошмес» тоже не такой плохой.

Там, во дворах ниже – прошло мое детство^[39].

...

– И не думаю, что в «Макдоналдсе» лучше.

– Откуда тебе знать, как в «Макдоналдсе»?

Я по-восточному поцокал языком.

– По Египту, так что мимо.

– Ты был в Египте?

– Да и не раз. Я много где был.

Вообще-то можно поехать в «Дилижан», это тоже кооперативное кафе, его мои друзья армяне держат. Но не заслужила.

Я заказал пельмени. Двойную порцию.

– Ты любишь общепитовские пельмени?

Я вздохнул.

– Приходится. На кормежку дома рассчитывать не приходится, верно?

Маша откинула волосы назад, на ней была футболка, джинсы и очки в роговой оправе.

– Послушай. Мы можем хотя бы не клевать друг друга?

Уже лучше.

– Что я взамен получу?

– А что ты хочешь?

– Чтобы кто-то готовил.

– Тебе женщина для этого нужна?

– Нет, просто я ленивый.

– Я заметила.

– Так что?

Она вздохнула. Получилось, кстати, очень даже... в смысле демонстрации объема груди.

– Хорошо. Но я плохо умею готовить.

– Плохо умеешь готовить?

– В США почти никто не умеет. Питаются полуфабрикатами.

– А если я научу?

– Готовить?

– Да.

– А ты умеешь?

– Ну, как-то я выживал до тебя, верно?

Маша кивнула, хотя и видно, что заставляла себя.

– Вот и отлично. На работу устроилась?

– Да, и уже просмотрела анкеты заявленных делегаций.

– И что?

Маша покачала головой:

– Ничего.

Ну... при том, что целый отдел ничего не нашел – трудно было бы предполагать иное...

Аэропортов в Ижевске два. Старый и новый.

Старый аэропорт – это больше и не аэропорт, а жилой квартал, в котором самолетные стоянки застроены домами или превратились в Восточный рынок, взлетная полоса стала частью улицы Молодежной, а центром района стал Ижевский Экспоцентр. Новый аэропорт был построен в семьдесят четвертом за городом, в деревне Старое Мартьяново. По дороге туда я умудрился разогнаться на своей «Королле» до двухсот – проверял технику и свою реакцию. Маша сидела рядом и ничего не сказала...

Аэропорт был типовым, двухэтажным, для нашего города маленьким, но это и понятно. У нас город не закрытый, но оборонки много, а достопримечательностей почти нет, потому туризм никто не развивает. Так что «Ил-90»^[40], заходящий на посадку в нашем аэропорту, можно увидеть не часто...

Мы стояли на втором этаже аэропорта, вместе с нами был начальник отдела местного УКГБ, которого назначили ответственным. Когда к самолету погнали аэропортовский автобус, я достал из сумки оптический прицел без крона, который позаимствовал на работе, дал Маше.

– Смотри, как будут выходить.

Мне смотреть нечего. Мне придется изображать глупого селезня.

Кагэбэшник потеет. Оно и понятно – два года до пенсии. Ладно...

– Видишь что-то?

– Они пошли...

Да сам вижу, что пошли. Интересно все-таки, неужели американцы пошли на убийство? На убийство в Советском Союзе? Они же не могут не понимать, что в ответ на отрезанную голову в СССР отрежут голову кому-то из них. Земля-то круглая.

– Видишь кого-то?

Маша вдруг выронила прицел, и он громко стукнулся о плитку.

– Выпей...

...

– Выпей, сказал.

В машине я возил бутылку коньяка – старая привычка. Спецназ на задания всегда берет фляжку со спиртом, некоторые, особенно выходцы с флота, заменяют спирт на коньяк. И согреться, и рану продезинфицировать. Я возил бутылку армянского – мало ли что. Может, и гаишнику придется подарить...

– Осторожнее ты...

Маша хлебнула, закашлялась. На глазах выступили слезы.

– Кого ты увидела? – я кивнул на аэропорт. – Там кто-то есть?

– Суку одну.

Однако...

Через ворота аэродрома в сопровождении машины ГАИ проплыли два «Икаруса» с затонированными стеклами. Я прикинул – селить их, видимо, будут в самой новой гостинице, «Загородной» – это она так называется, «Загородная». Потому что стоит за городом, на Як-Бодьинском тракте, в зеленой зоне. Ехать туда проще всего по кольцевой, но

гостей, думаю, повезут через весь город. Раз с ГАИ...

Я тронул машину, пристроился как раз за обкомовской «Татрой», обогнав служебку КГБ. Те мигнули фарами, но я сделал вид, что не увидел...

– Как зовут суку?

– Николь... ее точно не было.

– Могли в последний момент включить. Кто такая Николь?

– Моя соседка. Они жили рядом с нами.

– В США?

...

Ясно...

Учитывая обстоятельства, светиться у самого отеля я не стал, принял вправо и остановился. Отель был камерный, всего пять этажей, это и не отель скорее, а санаторий. Его обком для себя строил, потом вышел декрет о запрещении хозяйственной деятельности^[41], и теперь тут был шикарный по местным меркам отель. Три звезды он заслуживал точно. Может, даже и четыре...

Гэбэшная «Волга» описала круг на разворотной площадке отеля и, нарушая правила, притерлась к моей машине. Начальник отдела КГБ опустил стекло, он был красным, потным и злым...

– Что у вас происходит?

– Ничего, – грубо ответил я, – вам приказали сопровождать, вот и сопровождайте...

В отель я так и не рискнул соваться. Поехал по окружной, на пересечении с Воткинским шоссе, где хорошо ловит мобильник – набрал номер Янкеля. Доложил ситуацию, затем дал трубку Маше. Маша доложить, как положено, не смогла. Потом трубку снова взял я.

– Михаил Ефимович, мои действия?

– Отвезешь жену домой, и сидите там, пока не приеду. Безвылазно!

– Ясно.

– Все слишком далеко зашло. Дальше, чем мы думали.

Да уж понятное дело. Если эту американку направили сюда специально – значит, они располагают информацией не только обо мне, но и о Маше. А это значит, у них есть источник здесь. И неслабый источник.

А дальше... дальше можно и до Эймса добраться. Я этот скандал помню. Мы так и не подтвердили, что он на нашей территории, но если он у нас, мы его вывезли, то он должен содержаться под строжайшей охраной. Американцы пойдут на все, чтобы ликвидировать его. Ликвидировать беглого заместителя директора ЦРУ, не дать ему умереть в своей постели – для них это будет дело принципа. Слишком плохой пример иначе получается...

Да... похоже, моя семейная жизнь заканчивается, едва успев начаться...

Дом встречал родной неприбранностью и ставшей уже родной пустотой. Я посадил мою «супругу» на диван, пошел на кухню заваривать чай. Хорошо, что услышал звон стекла. Бросился назад.

– Ты что, охренела?!

Маша оказалась поразительно сильной... она попыталась резануть осколком и меня. Не получилось. Я вывернул ей руку, отвесил пару увесистых, от души оплеух, по полу подтащил

к стенке. Там у меня аптечка, из нее я достал турникет нового образца, перехватил руку. Пальцы скользили... они были липкими от крови, но кровь удалось остановить. Разорвал упаковку ИПП, положил сверху раны, посмотрев, чтобы там не осталось осколков стекла. Подумал – только не хватало мне еще психички-суицидницы.

Посадил на стул, отвесил еще оплеуху:

– Ты охренела?! Спрашиваю, охренела?!

Молчание. И пустота в глазах. Я уже видел подобное у пацанов-срочников, освобожденных из духовского плена.

– Так... ясно все с тобой.

Батареи, к счастью, у меня хорошие, чугунные, старой модели. Достал наручники, пристегнул к батарее, убрал все стеклянное, до чего она может дотянуться. Разбираться мне с ней некогда... потом Янкель приедет – сдам ему с рук на руки, и пусть валит.

Лесом.

Б... сначала нападение. Потом еще и это.

Отгреб осколки, критически окинул взглядом комнату. Нет... не пойдет так. И успокаивающих у меня нет.

– Сиди тихо. Сейчас вернусь.

В аптеке на меня посмотрели косо, видимо, на одежде немного крови осталось, руки-то я замыл. Но то, что нужно, продали.

Б... курица тупая. Кончить себя из-за какой-то...

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Ельцин Б.Н. – первый президент СССР (1990–2002 годы). Победил на первых президентских выборах М.С. Горбачева. Правил три четырехлетних срока.

В боевых подразделениях советского спецназа после 45 лет служить было нельзя, либо на штабную работу, либо на преподавание, либо на пенсию.

На особо важных производственных предприятиях должности в первом (режимном отделе) замещали действующие офицеры, например – первый отдел «Ижмаша» возглавлял действующий полковник или подполковник КГБ.

Товарищ Искандер.

Брат.

Мелкий и средний бизнес в СССР был разрешен. В некоторых отраслях, таких как сельское хозяйство или строительство, был разрешен и крупный бизнес. Ельцин, понимая, что у государства нет сил решить некоторые проблемы – просто дал свободу. Хотя реформы были проведены не так, как в действительности – колхозы, например, были в основном преобразованы в кооперативы, многие укрупнены.

«Абакан» – основной автомат «СА», калибр 6х39. «Унифицированный комплекс» – комплект из снайперской винтовки и пулемета, калибр 6х49 винтовочный.

«Взломщик» – снайперская винтовка калибра 12,7 повышенной точности. «КОРД» – крупнокалиберный пулемет. За счет уникальных достижений в материаловедении и физике советские оружейники создали стволы, которые при нагреве расширяются равномерно, и не снижается кучность. Был создан также порох для патронов повышенной мощности и с медленным и равномерным сгоранием, что значительно улучшает физику выстрела.

Секретные разработки по среднему калибру идут сейчас на ЗИД. В СССР они были ускорены в связи с необходимостью сохранения присутствия спецназа в Афганистане и в других арабских странах, противостояния Аль-Каиде – совместному проекту ЦРУ США и Саудовской Аравии.

Дочка – дочернее предприятие. Игровые приставки «Компаньон» действительно собирали в Ижевске, но свет увидел только «Компаньон-2».

Метротрам – подземный трамвай, как в Волгограде. На 2010 год была построена только одна линия, но очень длинная – трамвай уходил под землю у парка Кирова, шел через весь центр и выходил только у автозавода.

Дважды Герой Социалистического Труда Иван Федорович Белобородов – фактически создатель «Ижмаша» как мощного многопрофильного холдинга, именно благодаря ему в Ижевске появился автозавод. Его трудами «Ижмаш» вошел в десятку крупнейших промышленных предприятий СССР (!). К этому времени он уже умер, сама торговая марка ИЖ расшифровывалась как «Иван жил».

Разведслужба ДРА.

В Албании в течение нескольких лет после падения коммунистического режима были созданы и последовательно обанкротились несколько крупных финансовых пирамид. Это послужило поводом для вооруженного восстания, свержения правительства и разграбления складов с оружием. Разграбление складов послужило поводом для косовских событий.

БАЗ – Брянский автозавод – выпускал полутора и двухтонные грузовики, они были разработаны в последние годы СССР. Внешне похожи на «Фольксваген Крафтер». «Пежо» выпускался на Горьковском автозаводе, с Францией было налажено активное сотрудничество, выпуск «Пежо» был налажен в Горьком, в Ижевске выпускали «Рено».

Пятый пункт в анкете – национальность. Имеется в виду еврейская национальность.

Приборы бесшумной стрельбы.

Глубокая модернизация FN MAG, произведен в единичных экземплярах, первоначально предполагалось производство для армии Франции.

Универсальная платежная сетка для армии США, часто используется для других целей, – например, в приказах ей обозначают, кто допущен к информации, а кто нет.

Красный «тюльпан» – человека (чаще всего призывника) привязывают или прибивают к столбу, руками вверх, снимают кожу с живота и спины и заворачивают ее вверх, закрывая лицо. И оставляют так – чаще всего на пути движения колонн. Иногда таких вот «тюльпанов» находили еще живыми. Контрактники – в СССР в рамках военной реформы было введено ограниченное комплектование по контракту. Спецназ был контрактным целиком.

Говориш на пушту?(пашту) Говориш на урду? (урду)

«Черный ястреб сбит» – военный фильм про операцию в Сомали в 1993 году, закончившуюся для американцев провалом.

«Блек Хок» – реально производится в Польше.

Ще Польска не сгинела – начальные слова марша Домбровского, польского гимна.

Первые серьезно бронированные шлемы делали для ВВ и ОМОНа почему-то белыми. Часть из них потом попала в армию и на флот и так там и осталась.

«Рено» выпускал завод в Ижевске, «Фиаты» – завод в Елабуге. «Рено» и в самом деле сотрудничал с «Ижмашем» с семидесятых годов, именно поэтому «Иж-2126 Орбита» оказалась *лучшей* из всех советских переднеприводных машин. Но в нашей реальности запустить в серию ее опоздали.

В СССР иномарку можно было купить по очереди, обычной или специальной. Это частично компенсировалось сборкой «Фиатов» в Елабуге, «Рено» в Ижевске, «Пежо» в Нижнем Новгороде. За этими машинами очередей уже не было. Ничего такого, кстати, в подобной защите рынка нет, в Сингапуре, например, машину можно купить только по разрешению государства, пошлина 100 % стоимости.

Чеки Внешпосылторга – советский аналог долларов США.

Кевлар.

Кафе, довольно известное в Ижевске.

Четырехствольное бесствольное оружие самообороны.

На сленге шурави-контроль означало мародерство, грабеж караванов и дуканов с товаром. Частично это было вызвано тем, что солдатам, например, не полагался даже свитер. Частично тем, что солдаты второй сверхдержавы мира только в Афганистане видели полные прилавки – в родной стране они были пустыми. Пограничники устраивали постыдные обыски демобилизующихся... в общем, много плохого было.

Первый в мире мобильный телефон был сделан не в США в 1979 году, а в СССР. Первый мобильный телефон назывался «ЛК-1», датой его рождения следует считать 9 апреля 1957 года. К семидесятым – закрытая сеть мобильной связи «Алтай» была развернута во всех крупных городах СССР, в Новосибирске она действует до сих пор.

Дома, построенные ниже Механического завода в месте, именуемом «болото».

«Газели» в этом мире не было, полуторки, разработанные британцами, в большом количестве выпускали Ереванский и Брянский автомобильные заводы.

Вариант оперативной игры. Сотрудник, подставившийся под вербовку, получает повышение по службе и начинает давать кураторам дезинформацию. В свою очередь – *кураторам* невыгодно сомневаться в информации источника, так как агенты на дороге не валяются, и если выяснится, что агент никакой не агент, а подстава – карьера полетит под откос. Иногда такие игры со сливом дезинформации продолжались годами.

Олдридж Эймс – наиболее ценный агент советской разведки за всю историю ее существования. Будучи начальником отдела внутренней контрразведки ЦРУ и в этом качестве имея право получать любую информацию, он выдал, по разным данным, от 12 до 170 агентов ЦРУ.

На самом деле давно не кооперативных, потому что в общепите и торговле почти все было частное, даже приватизацию провели. Но по привычке кафе и рестораны делили на кооперативные и некооперативные, потому что в некооперативных часто оставался старый персонал и ходить туда было как минимум неприятно.

Молодежная группировка центра называлась Ошмес.

Один из серии советских пассажирских самолетов третьего послевоенного поколения, замена «Ту-154». По размерам что-то среднее между «Боинг-737» и «Боинг-757».

В 1993 году Б.Н. Ельцин своим указом запретил партии заниматься хозяйственной деятельностью. Это едва не привело к государственному перевороту, потому что тот же ВЛКСМ ничем, кроме коммерческой деятельности, и не занимался, при том не платило налоги и пользовался всеми льготами.